ISSN 1025-7225

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

№4, 1998

Адвокат Марк КРУТЕР: "К нам, как к священникам, идут исповедоваться, жаловаться, плакать"

Читайте на стр. 12 – 14:

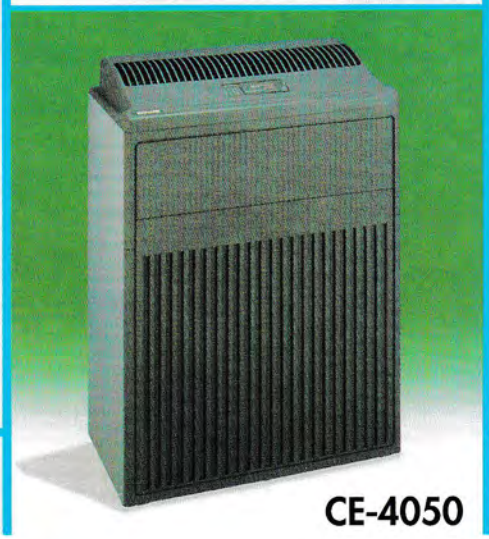
ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ – НА РАБОТЕ И ДОМА

Воздухоочистители производства фирмы "BIONAIRE" (Канада) хорошо знакомы российскому потребителю. Фирма, специализирующаяся на выпуске приборов для очистки и увлажнения воздуха, уже не первый год поставляет свою продукцию на наш рынок. Она привлекает покупателей тем, что оснащена системой суперфильтрации "HEPA", которая применяется в электронной промышленности, лабораториях и космической технике. Это позволяет удалять из воздуха до 99,97 процента вредных примесей всех типов: пыли, дыма, пыльцы растений, бактерий, спор плесени и пр. размером до 0,1 микрона.

Фирма "BIONAIRE" выпускает 14 моделей офисного и домашнего исполнения, способных удовлетворить самые взыскательные требования. Воздухоочистители компактны, имеют современный дизайн, небольшой вес. Они рассчитаны на использование в помещениях площадью от 10 до 100 кв. м. К услугам потребителей образцы, предназначенные для удаления табачного дыма и удушливых "ароматов", доносящихся с оживленных автомобильных магистралей. Астматики и аллергики могут также найти для себя модели, которые существенно облегчат их страдания.

F-250

LC-1060



CE-4050

Словом, воздухоочистители фирмы "BIONAIRE" необходимы как на работе, так и дома. Безозонная ионизация способствует снижению утомляемости, так что и вы, и ваши клиенты будете себя комфортно чувствовать даже в самых напряженных условиях работы. А дома вам гарантирован полноценный отдых. Ваши домашние тоже по достоинству оценят эти воздухоочистители. Они особенно необходимы маленьким детям, для которых свежий чистый воздух – залог будущего крепкого здоровья.

Если вы заинтересованы в продуктивной работе и домашнем комфорте, звоните нам и квалифицированные специалисты дадут исчерпывающую информацию, помогут подобрать необходимые приборы. Ваш заказ будет исполнен в течение 24 часов. Доставка по Москве – бесплатно.

Тел.: (095) 943-77-85
(с 9.00 до 19.00)
Тел./факс: (095) 198-52-54
(круглосуточно)
Тел.: (095) 361-51-62
(с 18.00 до 22.00,
суббота/воскресенье
с 10.00 до 22.00)

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

№ 4, 1998

ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1995 г.
Выходит один раз в два месяца

Учредитель – Гильдия российских адвокатов

Журнал зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство №013485

Редакционный совет
Г.Б.Мирзоев
(председатель редакционного совета)
П.Г.Бунич
В.С.Игонин
В.Я.Залманов
Н.Н.Клен
О.Е.Кутафин
А.Н.Малаев
М.А.Митюков
Г.М.Резник
А.А.Рогаткин
(заместитель председателя редакционного совета)
Б.С.Салюков
С.В.Степашин
В.Г.Стрекозов
А.И.Тихенко

Главный редактор
Р.А.Звягельский

Редколлегия
П.Д.Баренбойм
В.В.Витрянский
М.П.Вышинский
В.Е.Гулиев
Н.К.Доризо
Ю.А.Ефимов
А.Г.Звягинцев
Ю.А.Костанов
В.Н.Кудрявцев
В.И.Радченко
В.М.Савицкий
В.П.Селедкин
(заместитель главного редактора)
И.Ю.Сухарев
А.Г.Торянников

Адрес редакции
107120, Москва,
М.Полуярославский пер., 3/5.
Тел.: (095) 917-7546;
Факс: (095) 975-2416.

В НОМЕРЕ:

Людмила Завадская	**Никто не волен ему перечить**	**4**
Юрий Ильин	**Месть прокурора?**	**6**
Вячеслав Киселев	**Не все еще копья сломаны?**	**10**
Анатолий Кобенков	**Нападающий в защите**	**12**
Николай Клен	**Порядочность – категория юридическая**	**16**
Елена Фролова, Валерий Рязанцев	**Презумпция виновности?**	**20**
Юрий Теплов	**Арестован... за сходство**	**23**
Валентин Шаров	**Не бросили шахтеров в беде**	**27**
Геннадий Шаров	**Уроки одного конфликта**	**30**
Владимир Селедкин	**Скажи отчаянию «нет»**	**38**
Геннадий Венглинский	**Цена рекорда**	**42**
Валентин Викторов	**Помощь пришла из Норвегии**	**44**
Валентин Долматов	**И взял гитару в руки адвокат...**	**46**

Наша обложка:
Заведующий юридической консультацией №153 Межреспубликанской коллегии адвокатов Марк Крутер, член Союза российских писателей, кандидат юридических наук
Фото Александра Князева

Четвертая страница обложки
Кондиционеры группы НИМАЛ

Людмила Завадская «Никто не волен ему перечить» стр. 4–5

«Впервые за столетия в стране появилось должностное лицо, основная и непосредственная обязанность которого – защита прав и свобод граждан.»

Юрий Теплов «Арестован... за сходство» стр. 23–24

«Парни-то вроде вышли из подъезда и, как заявил потерпевший, один из них был похож на соседа.»

Геннадий Шаров «Уроки одного конфликта» стр. 30–31

«Иногда нам говорят: защищая иностранных торговых партнеров, инвесторов, вы наносите ущерб своей стране.»

Статистика... с недомолвками

Министерством юстиции РФ подготовлен традиционный обзор статистических данных о работе адвокатского сообщества в минувшем году. К сожалению, на этот раз он оказался неполный: 13 коллегий адвокатов вопреки действующим правилам не представили в министерство сведения о своей работе. Поэтому наша статистика за 1997 год оказалась «с недомолвками», на что при ознакомлении с ней и надо делать поправку.

Тем не менее мы вправе констатировать, что **численность российской адвокатуры выросла за год на 5172 адвоката и составила 31481**. Увеличилось (на 12) и число коллегий, достигнув 137. В них образовано 4128 юридических консультаций (было 3316). Это, однако, не позволило «закрыть» районы, где нет ни одного адвоката. Напротив, число их резко увеличилось – с 227 до 480. Меньше, чем в прошлом, адвокаты выполнили и поручений граждан – 10,2 млн. вместо 11 млн. с лишним. В месяц на каждого адвоката пришлось в среднем по пять уголовных и менее одного гражданского дела.

Такое положение объясняется как отсутствием у населения средств на оплату адвокатского труда, так и снижением заработка самих адвокатов, в том числе вследствие уплаты неподъемных взносов в Пенсионный фонд РФ (28 процентов от заработка).

Вместе с тем, количество поручений, выполненных **по уголовным делам**, увеличилось до 1,8 млн. Причем 43 процента этих поручений выполнялось по назначению следствия и суда (год назад – 35,5 процента). На стадиях дознания, предварительного следствия и предания суду было заявлено 453751 ходатайство. 61518 раз адвокаты обжаловали прокурорам постановления следователей об отклонении ходатайств и в 32 процентах случаев их доводы были признаны обоснованными. В отношении 10217 подзащитных дела в стадии предварительного следствия были прекращены, а в отношении 57805 квалификация обвинения изменена в сторону смягчения ответственности (год назад – в отношении 42452).

В судах первой инстанции было заявлено 801419 ходатайств, 38 процентов из них удовлетворены. В результате 31462 подсудимых были оправданы, в отношении 135978 обвинения смягчены, к 205797 подсудимым применена мера наказания, не связанная с лишением свободы, дела в отношении 24411 возвращены на дополнительное расследование.

Из 102789 ходатайств, заявленных адвокатами **в кассационной инстанции**, удовлетворены 30 процентов. В том числе 4335 о прекращении дела (1130 о полном оправдании осужденных), 12797 о переквалификации обвинения. 11895 осужденным снижены сроки наказания. **В надзорной инстанции** было удовлетворено 5790 ходатайств адвокатов (22 процента от заявленных, что на 2 процента больше, чем в 1996 году). Прекращено 1350 дел (было 1153), в том числе 401 с полной реабилитацией осужденных (было 242).

По гражданским делам суды первой инстанции удовлетворили 75 процентов ходатайств адвокатов (было 60 процентов),в кассационной – 37 процентов, в надзорной – 31 процент. **По административным делам** выполнено 24243 поручения – в 2,5 раза больше, чем в прошлом году.

Адвокаты дали своим клиентам более 6,2 млн. консультаций и составили для них 1,8 млн. документов. При этом 57 процентов советов и 28 процентов документов даны и составлены бесплатно, что больше, чем год назад (45 и 26 процентов).

При обслуживании предприятий и организаций в судах проведено с участием адвокатов 21259 дел (на 3 тысячи больше, чем прежде), в органах арбитража – 20571 дело (на тысячу меньше). В 1997 году был заключен 23561 договор на оказание юридической помощи предприятиям и организациям – на 20 процентов больше, чем в 1996 году.

Исай СУХАРЕВ,
начальник отдела
по вопросам адвокатуры Минюста РФ

«РОССИЙСКОМУ АДВОКАТУ» СООБЩАЮТ...

...из Астрахани

Состоявшаяся здесь научно-практическая конференция представителей адвокатских объединений Поволжья и Юга России была посвящена рассмотрению проблем адвокатской этики. Однако участники конференции вышли за пределы заявленной темы, обсудив широкий круг вопросов, связанных с нынешним положением и перспективами развития отечественной адвокатуры. Тон разговору был задан докладом первого вице-президента Гильдии российских адвокатов Владимира Игонина. На конференции выступили также председатели президиумов коллегий адвокатов Марина Иванова (Астрахань), Иван Алжеев (Калмыкия), Нина Царева (Саратов) и другие.

...из Нью-Йорка

Международный союз (содружество) адвокатов совместно с известной американской юридической фирмой «Чадборн и Парк LLP» провели научно-практический семинар для российских адвокатов. Рассматривались проблемы юридического представительства банков и других бизнес-структур, американская система налогообложения адвокатских фирм, взгляды Американской ассоциации адвокатов на вопросы юридической этики. Кроме Нью-Йорка гости побывали в Вашингтоне, Филадельфии, Атлантик-Сити.

... из Кемерово

Вот уже более полугода здесь работает Специализированная юридическая консультация Гильдии российских адвокатов. Однако нет-нет да и приходилось заведующему консультацией разъяснять отдельным представителям прокуратуры и органов дознания, что работающие в консультации юристы – такие же адвокаты, как и их коллеги из других адвокатских объединений. Чтобы на этот счет ни у кого не оставалось сомнений, председатель Кемеровского облсуда В. М. Вьюнов направил в местные суды, прокуратуру и начальнику УВД специальное письмо. «Адвокаты указанной консультации,– говорится в письме,– имеют право осуществлять защиту интересов граждан на любой стадии предварительного расследования и в суде, в том числе и по назначению. Препятствия в допуске указанных адвокатов для осуществления защиты будут расцениваться как нарушение права на защиту». Надо полагать, теперь-то уж совсем все будет ясно.

...из Улан-Удэ

Скоро исполнится 30 лет ее адвокатской деятельности, и почти все эти годы Геля Александровна Бартеньева отдала трудам на прекрасной земле Бурятии. В послужном списке адвоката – сотни больших и малых побед как в уголовных, так и в гражданских процессах, руководство крупнейшими юридическими консультациями, работа в президиумах обеих ныне действующих в республике коллегий. Кроме того, Геля Александровна трижды избиралась депутатом местного Совета, семь лет возглавляла «малую академию», приобщая к праву детвору, а в молодые годы входила в сборную «Буревестника» по теннису. На днях состоится и чествование уважаемой коллеги по случаю ее юбилейного дня рождения.

...из Чебоксар

Верховный суд Чувашской Республики отменил постановление судьи Цивильского райсуда Акимова о наложении на адвоката Александра Городничева штрафа «за неявку в суд без уважительных причин» и прекратил производство по этому делу. Судье разъяснено, что в соответствии с постановлением президиума Верховного суда РФ от 28 апреля 1993 года адвокаты не являются субъектами административных нарушений, связанных с исполнением закона СССР «Об ответственности за неуважение к суду». К тому же постановление судьи не было основано на обстоятельствах случившегося: адвокат своевременно уведомил суд о невозможности прибыть на заседание.

...из Санкт-Петербурга

Здесь образован Международный общественный фонд содействия правоохранительным органам и пенитенциарным учреждениям. Его учредители намерены, в частности, заботиться о благополучии сотрудников и пенсионеров этих органов и учреждений, особенно пострадавших при выполнении служебного долга, а также содействовать укреплению материальной базы тюрем, ИК, СИЗО, созданию в них дополнительных рабочих мест, социальной реабилитации бывших заключенных. Недавно фонд, который будет действовать по всей России и в других странах, зарегистрирован в Минюсте РФ.

...из Владивостока

На одной из улиц города выстрелами в упор убита член Приморской краевой коллегии адвокатов Надежда Самихова. В связи с трагедией президиум коллегии выступил с заявлением. В нем указывается, что гибель Самиховой «находится в прямой связи с ее профессиональной деятельностью», и одновременно отвергаются домыслы о причастности погибшей к «теневым структурам» и сомнительным сделкам. Президиум расценивает прискорбный факт как очередную попытку определенных сил «оказать давление не только на отдельных адвокатов, но и на коллегию в целом, снизить ее активность в борьбе за права и интересы граждан». Тем не менее адвокаты Приморья и впредь будут ответственно исполнять свой профессиональный долг, заявили коллеги погибшей.

... из Тольятти

Убийство во Владивостоке с трагической похожестью повторилось за тысячи километров от этого краевого центра. В городе Тольятти Самарской области убит исполняющий обязанности заведующего юридической консультацией Иван Сергеевич Вдовин. Среди бела дня на улице убийца хладнокровно выпустил по нему восемь пуль и скрылся.

Иван Сергеевич пришел в адвокатуру несколько лет назад после работы в прокуратуре. Он знал, что на этом пути его ждут трудные испытания, но встречал их мужественно и твердо. Таким он был и в последние мгновения своей жизни...

Пули заставили замолкнуть сердце нашего друга, но они никогда не смогут убить память об Иване Сергеевиче Вдовине. Он с нами – навсегда молодой, верный дружбе и профессиональному долгу.

Сообщения принимали спец. корреспонденты «Российского адвоката» Игорь ВАШКЕВИЧ и Виктор ДОЛГИШЕВ

НИКТО НЕ ВОЛЕН ЕМУ ПЕРЕЧИТЬ

Вот и состоялись выборы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Впервые за столетия в стране появилось должностное лицо, основная и непосредственная обязанность которого – защита прав и свобод граждан. Событие воистину эпохальное. Его давно ждали, и оно по достоинству замечено всеми, кто сознает, что есть для общества и каждого из нас учреждение этого высокого поста.

А он действительно высок, ибо учрежден в соответствии с Конституцией РФ (п. «д» ст. 103). Назначение на должность Уполномоченного производится Государственной Думой, а деятельность этого лица регулируется конституционным федеральным законом. В силу своего конституционного статуса Уполномоченный суверенен и независим от иных властных структур, ни одна из них не вольна опротестовать его выводы о соблюдении или нарушении прав человека и каждая, напротив, обязана содействовать разрешению его сомнений на этот счет.

Новое должностное лицо способно существенно повлиять как на суть государственной власти, так и на качество общественной жизни в стране. Поскольку, с одной стороны, реализует конституционную обязанность государства «признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина» (ст.2), а с другой – представляет во властных структурах общественное правозащитное движение, фактически вторично легализовав его, поднимая его до уровня государственной структуры.

Примечательно, что в России, где правозащитное движение всегда было со знаком вопроса (вспомним замечательных диссидентов как 60-х годов, так и более позднего времени), Уполномоченный еще до своего появления был тем не менее обозначен нашей быстротекущей жизнью. У него уже были предшественники! В шести субъектах Российской Федерации действуют уполномоченные по правам детей, в одном из университетов – уполномоченный по правам студентов, а недавно появился и Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

Все это позволяет надеяться на то, что и в нашей стране повторится успешный опыт защиты прав и свобод граждан специально уполномоченным на то лицом, уже освоенный во многих государствах.

***

Благородная цель использовать мировой опыт на российской земле была зафиксирована еще пять лет назад, в декабре 1993 года, с принятием новой Конституции РФ. Но потребовалось еще три с половиной года, чтобы конституционная норма была раскрыта и конкретизирована законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Жизнь ему дали общественное движение «Выбор России» и Президент РФ, инициировала прохождение закона в Думе фракция «Женщины России».

Уже в первом чтении проект прошел «на ура» – лишь один голос против. Однако единство той, пятой, Думы оказалось кажущимся: в двух последующих чтениях закон ею так и не был принят. Семьсот поправок остались в наследство новому составу законодателей. А здесь появились свои трудности: депутаты Лукьянов и Ковалев представляли лишь два крайних полюса в осмыслении будущего закона. Разные взгляды коммуниста и диссидента, которые надо было свести к общему знаменателю,– вот причина столь долгого пути закона к людям.

Но и появившись закон не мог работать без избрания на высокий пост конкретного человека. Теперь мы знаем его имя – Олег Миронов. Принципиально важно, что при его избрании восторжествовал великий принцип компромисса, без которого вообще трудно говорить о единстве демократического общества.

А ведь и Конституция РФ, и закон об Уполномоченном справедливо сориентированы на равное отношение к людям вне зависимости от их национальности, веры, общественного положения. Потому и выдвигать кандидатов на высокую должность могут как Президент РФ, так и депутаты, а к баллотированию допускаются лишь те кандидаты, кто уже собрал конституционное большинство Думы. Так что мы все можем только порадоваться тому, что Олег Орестович Миронов дважды прошел эту сложную процедуру, собрав более трехсот голосов как на предварительном этапе, так и при тайном голосовании. Это значит, что все общество ныне осознало важность полноценной защиты прав человека, не придавая этому процессу какой-либо политической окраски.

***

Полномочия нового в нашей действительности должностного лица вытекают из статьи 1 закона, в которой указано, что должность эта учреждена в целях обеспечения гарантий защиты прав

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Людмила ЗАВАДСКАЯ,
статс-секретарь, заместитель министра юстиции РФ, кандидат юридических наук

и свобод граждан, их соблюдения всеми государственными органами и органами местного самоуправления, а также всеми лицами, обладающими властью. В основе же деятельности Уполномоченного лежит рассмотрение конкретных жалоб о нарушениях прав граждан. При этом круг лиц, действия или бездействие которых могут быть обжалованы, практически не ограничен. Это и федеральная, и местная власть, органы общественного самоуправления и суды любой юрисдикции. Не имеет значения, рассматривался где-либо данный вопрос или нет. И разумеется, для Уполномоченного нет различия между заявителями жалоб. К нему вправе обратиться и гражданин России, и иностранец, и лицо без гражданства.

В связи с этим уместно заметить, что институт Уполномоченного существенно меняет привычный для россиян статус жалобы и жалобщика. В советские времена жалоба, как известно, рассматривалась в качестве атрибута административного права, и потому жалобщик представал перед чиновниками униженным просителем. Ныне все не так. Мало того, что уже и сегодня в спорах с государством гражданин признается равной с ним стороной, с появлением Уполномоченного его позиция еще более упрочается. Ведь и на стороне гражданина оказывается все то же государство – в лице одного из высших своих чинов.

***

Что же вправе предпринять Уполномоченный, получив ту или иную жалобу? Обратиться в суд с заявлением в защиту конституционных прав и свобод, нарушенных решениями или действиями (бездействием) государственного органа, органа местного самоуправления, должностного лица. Обратиться в компетентные государственные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного или административного производства, уголовного дела в отношении должностного лица. Обратиться в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу решения или приговора суда, либо постановления судьи. Изложить свои доводы должностному лицу, которое вправе вносить протесты по тому или иному делу, а также присутствовать при судебном рассмотрении дела в порядке надзора. Обратиться в Конституционный суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле.

Все эти полномочия настолько серьезны, что позволяют говорить о новой правовой идее в защите прав человека. Как видим, Уполномоченный опирается в своей деятельности на судебные и прокурорские органы. Его полномочия соприкасаются, а порой пересекаются с их компетенцией, хотя, естественно, не отменяют ее. При этом Уполномоченный выступает инициатором в защите права. Он – защитник человека в тех случаях, когда государственные органы и должностные лица оставили его наедине со своей проблемой.

***

Однако этими заботами обязанности Уполномоченного не ограничиваются. Массовые и грубые нарушения прав и свобод граждан, случаи, имеющие особое общественное значение, случаи, когда есть необходимость защитить тех, кто не может осуществить защиту самостоятельно, дают особое основание для вмешательства Уполномоченного. Здесь он вправе выступать от собственного имени.

Например, в защиту прав людей, пострадавших от вооруженных конфликтов, беженцев, жертв национальной розни. Или в защиту детей, у которых нет родителей, людей, находящихся под опекой, душевнобольных, престарелых.

Особо надо сказать о заключенных. «Жалобы, адресованные Уполномоченному лицами, находящимися в местах принудительного содержания, в течение 24 часов направляются Уполномоченному»,– указывается в законе.

***

Уполномоченному предоставлено право публичной инициативы, состоящей согласно закону как в обращении к законодателю, так и к лицу, у которого есть власть. Что касается участников законодательного процесса, то их, напомню, достаточно много, чтобы решить массу вопросов,– 740. Это депутаты Госдумы и члены Совета Федерации в личном качестве, правительство и Президент России, законодательные органы субъектов РФ и, наконец, высшие звенья всех трех видов судов. Все эти субъекты обязаны сотрудничать с Уполномоченным по правам человека. А он в свою очередь имеет право давать рекомендации по изменению законодательства, которое регулирует права человека.

***

Отныне каждый год будет у нас оканчиваться докладом Уполномоченного, который направляется Президенту, в парламент, в правительство, высшие судебные органы и Генеральному прокурору России. Доклад имеет статус национального и посвящен актуальным проблемам защиты прав человека.

Если нарушение носит особо вызывающий характер, то Уполномоченный просит Думу провести парламентские слушания, где делает доклад либо вносит предложение о создании специальной комиссии по расследованию фактов.

Публикации Уполномоченного также должны стать явлением нашей жизни. Его официальной трибуной названа в законе «Российская газета». Однако и иные издания, полагаю, почтут за честь изложить позицию Уполномоченного по тому или иному вопросу.

***

А каковы последствия обращений Уполномоченного? «Государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо, получившее заключение Уполномоченного, содержащее его рекомендации, обязаны в месячный срок рассмотреть их и о принятых мерах в письменной форме сообщить Уполномоченному».

Впрочем, все это пока только на бумаге. Но уже скоро, надо надеяться, мы узнаем о первых делах, принятых к рассмотрению Уполномоченным по правам человека.

Месть прокурора!

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
на обыск

УСТАНОВИЛ:

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

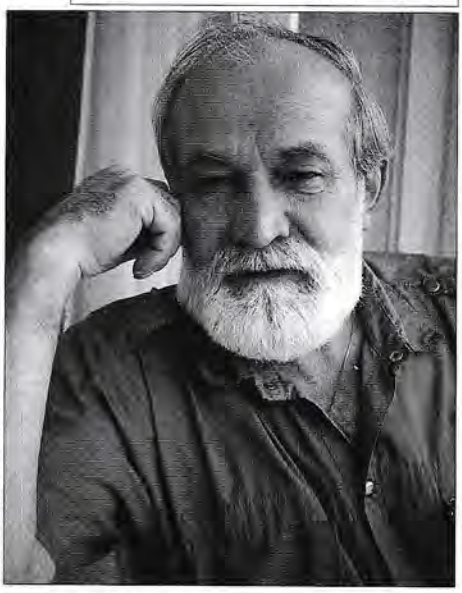


Фото Захара РОМАНОВА

Юрий ИЛЬИН, вице-президент Гильдии российских адвокатов, председатель президиума Санкт-Петербургской Объединенной коллегии адвокатов

Какое-то безумие творится в стране! Власти не желают считаться с законом и правами человека. Вот уже и последний оплот правозаступничества – адвокатура раз за разом подвергается унижениям и прямому насилию, причем именно со стороны блюстителей порядка – милиции и прокуратуры.

Тех, кого государство призвано поддерживать и опекать, безосновательно шельмуют, задерживают, обыскивают, лишают возможности исполнять профессиональный долг. Самара и Владивосток, Пермь и Саратов, Краснодар и Ростов-на-Дону... Адреса возмутительных «наездов» на адвокатов, увы, продолжают множиться. А недавно беда пришла и в нашу коллегию. Используя явно формальный повод, работники Санкт-Петербургского РУОПа учинили в консультациях и президиуме коллегии, на рабочих местах и в квартирах наших товарищей обыски, изъяли массу необходимых в повседневной работе документов и фактически дезорганизовали нашу деятельность. По городу поползли нелепые слухи о причастности адвокатов к каким-то аферам. Иначе, как загодя спланированной провокацией, назвать все это я не могу.

Нет, я вовсе не отстаиваю пресловутую «честь мундира»: адвокатура в этом не нуждается. Я не отрицаю возможность применения установленных законом мер в отношении каждого заподозренного в преступлении, в том числе и в кругу моих коллег. Но для этого налицо должен быть сам факт преступления: убийство, грабеж, мошенничество... Однако такой объективной основы в нашем случае не было, а я полагаю, что и не могло быть. Зато очевидны подлинные причины милицейско-прокурорской активности, далекие от интересов закона и общества. Вот почему считаю необходимым прояснить ситуацию, рассказать в деталях, что же действительно произошло в нашем городе.

Итак, некий гражданин был заподозрен в контрабанде. Он обратился за юридической помощью к члену нашей коллегии Дмитрию Октысюку, и тот согласился защищать его в предстоящем процессе. Но едва они договорились об этом, как гражданина взяли под стражу и адвокату потребовалось срочно оформить свое участие в деле. Однако в те же дни Октысюк оформлял и собственный переход из одной юридической консультации в другую. Встал вопрос, где получить ордер на защиту. И хотя числился адвокат еще по старому месту работы, он посчитал возможным обратиться за ордером к новому шефу, в консультацию которого фактически уже устроился. И тот тоже не увидел причин, чтобы отказать в выдаче документа своему новому коллеге. Ведь дорог, напомню, был каждый час.

Правильно ли поступили в той нестандартной ситуации эти два юриста? Закон на этот вопрос ответа не дает. А вот практика действительно идет другим путем: обычно для участия в деле адвоката делегирует та консультация, где он «прописан». Так что если что-то и нарушили тогда эти двое, так собственные наши адвокатские правила. И разбираться с ними следовало бы нам самим, возбудив при необходимости дисциплинарное производство.

Следствие же (то, что шло по факту контрабанды) расценило случившееся совсем иначе. Люди словно ждали удобного случая уличить адвоката в чем-либо предосудительном, чтобы расправиться и с ним, и с его коллегами. И потому тотчас представили в общем-то безобидную оплошность как... умышленное преступление. Против адвоката возбудили уголовное дело. По признакам статьи 327 УК РФ, то есть как за подделку документов!

Абсурдность подобного обвинения очевидна, полагаю, для любого юриста. Как может быть фальшивым документ, выданный реальным завконсультацией с собственноручной его подписью и печатью? И это, конечно же, подтвердит и суд, если дело до него дойдет. Но в том-то и суть, что доводить дело до суда следователи (а вернее – их начальство), видимо, не собирались. Им нужен был сиюминутный результат, связанный с самим фактом уголовного преследования нашего товарища. Факт, позволяющий, во-первых, отстранить от участия в процессе о контрабанде опытного адвоката (что тут же и было сделано), а во-вторых, указать всем адвокатам города, кто здесь хозяин. Впрочем, есть в этой истории и еще один нюанс, но о нем чуть позже.

К таким выводам о подлинных причинах затеянной возни приводят отнюдь

не досужие размышления, а реальные факты. Например, объемы изъятой у адвоката Октысюка и в президиуме коллегии документации. Если бы следствие действительно интересовала ситуация с получением адвокатом ордера на защиту, было бы достаточно взглянуть на личное дело Октысюка и взять выписки из нескольких бумаг, связанных с его перемещением из одной консультации в другую. Но у нас-то были изъяты все документы, связанные с созданием коллегии и двух консультаций, а также все протоколы заседаний президиума за восемь лет! И это при том, что сам Октысюк трудится у нас всего пять лет.

То же стремление следователей выйти за рамки возбужденного уголовного дела прослеживается и при изъятии документов у самого Дмитрия Октысюка. Какое отношение к заявленному подозрению о подделке ордера на защиту имеют записи адвоката, связанные с его клиентами по другим делам? Однако и все они оказались теперь в распоряжении властей. И снова тут не отделаться от мысли, что вовсе не контрабандист-одиночка, соглашение с которым послужило видимой причиной конфликта, является конечной целью петербургских стражей порядка. Но тогда что же?

Ларчик, на мой взгляд, открывается просто. Среди массы дел, в которых участвует Дмитрий Октысюк, есть одно, особо привлекательное для руководства городского УВД. Это дело, связанное с деятельностью строительной компании «Ленстройреконструкция». Едва ли не самая мощная в этой сфере фирма в свое время провела обновление многих исторических объектов города, в том числе «Гостиного двора», «Дома моды» и других. Не знаю, что имеет против строителей РУОП, но именно адвокат Октысюк представляет в судах интересы как «Ленстройреконструкции», так и «Дома моды», причем представляет весьма успешно. Вот, видимо, и пожелали блюстители законности проникнуть (незаконно!) в тайны адвокатского успеха, а заодно и в коммерческие тайны его клиентов.

Нельзя не сказать и о манере производства следственных действий по этому удивительному делу. Судите сами: в каких, на ваш взгляд, случаях следователь прихватывает с собой для производства выемки или обыска мощную группу оперативных работников? Правильно, когда идет брать «малину» или другой объект, где возможно активное сопротивление, может быть, со стрельбой и погонями. Однако о каких погонях можно вести речь при общении с адвокатами, в сущности, с коллегами по правовой системе?! Тем не менее для производства у нас выемки следователь Ю. Павлова снарядила пятерых, а для производства обыска аж семерых офицеров из отдела по борьбе с оргпреступностью! При этом «гости» вели себя крайне агрессивно, перекрыли все входы и выходы, грозились взломать двери и сейфы, а сотрудников изолировать по кабинетам. Это ли не грубое нарушение существующих правил, это ли не акты устрашения?

Показательно, что мои обращения к руководству РУОПа и городской прокуратуры в связи с этим произволом остались без реагирования. В прокуратуре нашего представителя сначала просто не желали впускать в здание, а затем жалобу принял дежурный прокурор, объяснивший, что начальство крайне загружено работой. Вот вам и стиль отношений между равноправными участниками уголовного процесса, коими должны бы являться обвинение и защита, то есть прокуратура и адвокатура!

Таким образом, наша «петербургская история» отразила весь комплекс проблем нынешней российской правоохранительной системы. От профессиональной слабости следствия, когда любыми путями стремятся устранить процессуального оппонента-адвоката, до коррумпированности высших милицейских чинов, старающихся порадеть в пользу приближенных коммерческих структур.

В случившемся просматриваются и специфические российские условия, способствующие такого рода конфликтам между «силовиками» и адвокатурой. Как во всех иных случаях, при реформировании правовой системы наши законодатели прежде думали о «государственном интересе», а не о нуждах людей, живущих в этом государстве. Потому и суд, и прокуратура, и милиция получили солидное законодательное обеспечение своей деятельности, а адвокатура до сих пор мыкается с устаревшими актами еще советского производства. В результате тот же самый следователь или прокурор, которым в суде противостоит адвокат, способны до суда чинить адвокату любые препоны – от отказа в свидании с подзащитным до взятия самого адвоката под стражу.

Такого рода неопределенность в отношениях прокуратуры и адвокатуры в нашей истории вылилась в совершенно дикую ситуацию. Года полтора назад прокуроры страны получили предписание из столицы проверить соответствие законодательству деятельность коллегий адвокатов. Не знаю, как в других местах, но в нашей коллегии усмотрели в этом документе откровенное покушение на профессиональную независимость адвокатского сообщества. Ибо в законе о прокуратуре надзор за адвокатами и их объединениями не предусмотрен (специфика их деятельности законом вообще не рассматривается). И стало быть, о какой-либо проверке нашей деятельности не может быть и речи. Об этом мы и уведомили городскую прокуратуру. Могу представить, что принципиальная позиция «каких-то адвокатов» была воспринята в прокуратуре как вызов. Конечно, по горячим следам мы этого не почувствовали, но думаю, что старая обида также послужила причиной нынешнего «наезда» на нашу коллегию. Ведь санкцию на обыск в коллегии дал не кто иной, как заместитель прокурора города И. Сыдорук – один из участников давнего диалога по поводу несостоявшейся проверки.

Разумеется, мы не можем оставить случившееся без последствий. В цивилизованном обществе нельзя мириться с необоснованным возбуждением уголовного дела против кого бы то ни было, тем более против адвоката, и отстранением его от участия в защите гражданина. Невозможно считать правомерными действия сотрудников РУОПа и следователей, вмешивающихся в профессиональную работу адвокатов и их объединений, изымающих «в интересах следствия» рабочие документы, составляющие адвокатскую тайну. Поэтому о всех фактах нарушения закона мы проинформировали как руководство Генеральной прокуратуры и МВД РФ, так и администрацию Президента России.

Но крайне важно и то, чтобы само общество осознало опасность давления властей на адвокатуру. Ослабляя реальный механизм охраны прав личности, государство само разрушает демократию, исключает возможность справедливого правосудия, открывает путь к узаконенному террору. Полагаю, что именно отсутствие в обществе понимания взаимосвязанности этих процессов привело в свое время к опережающему появлению карающих законов при отсутствии защитительных (в том числе об адвокатуре), а впоследствии к изданию злополучного акта о взимании с адвокатов разорительных взносов в Пенсионный фонд РФ. На региональном уровне та же тенденция проявилась при попытках взимать с адвокатских объединений местные налоги или приравнять их к коммерческим структурам при оплате офисных помещений. Вся эта «экономия» на адвокатуре оборачивается снижением правовой защищенности граждан, нарастающим произволом «силовиков».

Последние события в нашем городе продолжают нагнетание нездоровой обстановки, лишают адвокатов самой возможности осуществлять свои профессиональные обязанности. Неужели и на этот раз высшее руководство прокуратуры и МВД промолчит, не заметит криминальных «наездов» на адвокатуру, не даст им должной оценки?

В согласии с самим собой

На снимке из семейного альбома: красноармеец Любимов, 1940 год

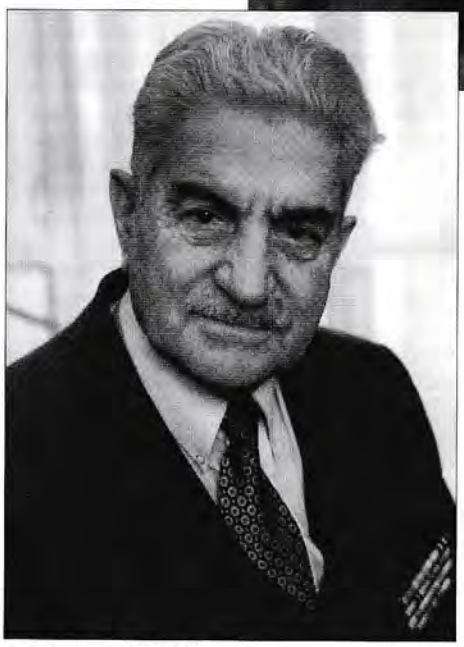


Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Так случилось, что путь в адвокатуру Иосифу Любимову приходилось начинать трижды. Но, видно, сын прославленного бакинского адвоката Павла Никандровича Любимова воистину не мыслил себя в иной профессии, поскольку каждый раз преодолевал превратности судьбы и в конце концов добился своего. Он в любой ситуации чутко прислушивается к велению души, то же качество проявилось, как теперь можно судить, и при выборе жизненного пути.

Ему сдается, он и родился под портретом великого Ф. Н. Плевако, всегда украшавшим их дом. А первое восторженное впечатление о человеке, помогающем другому выкарабкаться из-под незаслуженного осуда, пришло в школьные годы. Когда отец взял с собой на процесс, объяснил, в чем подозревается подсудимый и почему это подозрение никак нельзя принять на веру. Фабулу того дела мой седовласый собеседник уже не помнит, но ясно видит, как внимали судьи словам защитника и как воспряли духом, обрадовались все в зале, услышав, что напраслина отведена.

После школы он, разумеется, выбрал юрфак, поступил в местный филиал ВЮЗИ. Но шел 1939-й, и всех мальчишек сорвали с учебы, чтобы пополнить Красную Армию к походу в западные области Украины и Белоруссии. Поход, однако, затянулся. На шесть с половиной лет. Великую Отечественную сержант Любимов встретил 22 июня 1941-го в городе Станиславе (Ивано-Франковск), вблизи от новой границы СССР. Потом отступал со своими зенитками. До Харькова, Воронежа, Сталинграда. Потом пошел вспять. До Киева, где был ранен, лечился, да так и остался в местных частях ПВО.

Новый заход в ВЮЗИ после демобилизации оказался более успешным. Пока учился, успел даже поработать юрисконсультом. Но вместе с дипломом его опять ждала повестка из военкомата. На этот раз лейтенанта Любимова направили на каспийское побережье, в формируемый Бакинский округ ПВО, где он и прослужил еще три года.

Зато теперь-то мог позволить себе выбор дальнейшего пути, а потому отказался от приглашения в прокуратуру и ступил, наконец, на адвокатское поприще. Благо, что в республиканской коллегии еще числили престарелого отца и сына уважаемого мэтра приняли даже без стажировки. Впрочем, теперь и собственный его жизненный опыт не оставлял сомнений: справится.

С учетом этого, в основном военного, опыта заведующий юрконсультацией поручил начинающему коллеге и первое дело: в военном трибунале гарнизона, о самовольной отлучке солдата. Дебют, по общему мнению, прошел успешно. Защитник и военные судьи говорили на одном языке. Да, самоволка снижает боеготовность воинского подразделения, но и то, что солдат месяцами не выпускают из казармы, нельзя считать нормальным. Вот уставы, они детально расписывают порядок несения службы, не только обязанности, но и права военнослужащих, в том числе право на увольнение в город... Суд применил к самовольщику меру не уголовной, а дисциплинарной ответственности.

Негромкое дело неожиданно принесло молодому адвокату славу «солдатского заступника», и к нему потекли отцы и матери других солдат, сержантов, оказавшихся не в ладах с законом. Впрочем, отец, помнится, так и говорил: одна успешная защита несет адвокату двух новых подзащитных. А со временем пошла и другая «серия» дел – о «подпольных» цехах и фабриках, производивших нужные людям товары, но не охваченных государственным планированием и учетом. Не мудрено, что уже вскоре у адвоката Любимова появилась своя клиентура, а все бакинские телефонистки знали номер его домашнего телефона. Нередко

незнакомый голос поднимал его и среди ночи.

Но то, считает Иосиф Павлович, были счастливые хлопоты. Главное: они позволяли участвовать в делах, к которым лежала душа, не отторгаемых собственной нравственной позиций. Ведь всю работу адвоката, как он теперь понимал, можно поделить на две части: ту, которую он исполняет исключительно в силу своих обязанностей, и ту, в которой помимо закона может опереться на личные убеждения. Да, каждый, кто оказался под судом, нуждается в защите, и адвокат обязательно придет ему на помощь. Но одно дело – защищать нераскаявшегося садиста, маньяка-насильника и другое – поднявшего руку для самообороны, совершившего зло в силу особых обстоятельств. Адвокат Любимов благодарен судьбе за то, что на его профессиональном пути чаще встречались именно такие дела, когда он работал в полном согласии с самим собой.

Хотя и эти дела, разумеется, требовали большого душевного напряжения, а иногда и гражданского мужества.

Скажем, судебное удушение тех же «подпольных» цехов и фабрик преподносилось официальной пропагандой как борьба с расхитителями соцсобственности. В показательных процессах над «барыгами и рвачами» адвокаты подсудимых выглядели едва ли не пособниками преступников. Тем не менее Иосиф Павлович помнит, как понимающе притих зал, когда он отважился заявить об абсурдности обвинения: люди вяжут платки, водолазки, делают авторучки, которых так мало на прилавках,– так что же тут плохого?! На этом эмоциональном фоне удалось доступнее преподнести аргументы в пользу своей подзащитной. Она работала в отделе перевозок, то есть сама ничего не производила, не подозревала о «левых» заработках. Выходит, судить ее вообще не за что. Даже для задавленных «телефонным правом» судей доводы адвоката показались убедительными, женщину осудили условно.

Были, конечно, у Любимова и дела иного рода. Запомнился, например, процесс над извращенцем, которому вменялось аж 26 эпизодов насилия над детьми. Что ж, в таких случаях он работал только по назначению, сосредоточиваясь, как говорит, на процессуальной и фактической «чистоте доказательств». Ведь именно в таких делах милиция нередко пытается навесить на обвиняемого лишний эпизод, улучшая собственную отчетность. Нет, это при Любимове не проходит: самый страшный изувер должен отвечать только за то, что действительно натворил.

– В наши дни,– говорит Иосиф Павлович,– искренность адвокатской позиции, к сожалению, слишком часто покоится на недоработках, а то и прямом беззаконии, творимом дознавателями и следователями. Они попирают процессуальные нормы, не считаются с правами подследственных, буквально выбивают нужные показания. Отметая натяжки, липовые улики, адвокат, разумеется, заслуживает всяческих похвал. Но в такой ситуации само преступление как бы уходит на второй план, остается безнаказанным. Это большая беда для общества, невольное поощрение преступности. Причем и сам адвокат не ощущает от такой своей победы полного удовлетворения, будто он всего-навсего «отмазал» бандита. Думаю, тут у нас одна надежда – на то, что рано или поздно твердость и бескомпромиссность защиты заставят-таки сыск и обвинение соблюдать законность. Тогда и борьба с преступностью пойдет успешней.

А первопричину следовательского беспредела опытный адвокат видит в отсутствии реального прокурорского надзора, в необъяснимом организационном единстве следствия и прокуратуры. Получается, что прокуроры, ведущие борьбу с преступностью, должны надзирать за своими же подчиненными. При таком раздвоении функций людям свойственно не замечать «мелкие недостатки» в ходе «большой государственной работы». Между тем знающие юристы давно толкуют о разделении прокурорской структуры, о создании следственного комитета, деятельность которого контролировали бы никак не связанные с ним прокуроры. Печалит и застарелая боязнь судов оправдательных приговоров. При полном крахе обвинения они стремятся не оправдать обвиненного, а вернуть дело на доследование, тем самым поощряя непрофессионализм и беззаконие следователей. Так что подлинного правосудия, считает мой собеседник, нам еще ждать и ждать.

Пока же «чересчур принципиальному» адвокату приходится пробивать стену непонимания, раз за разом доказывать очевидное. Что нельзя бить людей, нельзя требовать от них свидетельств против самих себя, подбрасывать «нужные улики». Чего это стоит Иосифу Павловичу, знает, пожалуй, только его сердце, трижды уже подававшее тревожные сигналы. Наверное, и по этой причине он теперь все чаще обращается к делам гражданским, хотя и там (при разрешении семейных драм, трудовых и имущественных споров) частенько кипят шекспировские страсти.

...Папаша одной московской девочки отбыл за границу да там и остался. Ни привета, ни алиментов. Но когда там, в Испании, с него стали взыскивать налог за бездетность, беглый отец затребовал от бывшей жены подтверждения своего отцовства. А девочку к тому времени уже удочерил другой человек... Участвуя в таком деле, нужно не только хорошо знать законы двух стран, но и проявить такт, деликатность, умение разъяснить людям меру обоснованности их позиций, возможность предъявить друг другу те или иные претензии. А это значит: для того, чтобы поправить всего лишь одно слово в проекте искового заявления, адвокат Любимов будет вести с доверителем бесконечные беседы, приводя примеры из своей практики, осторожно убеждая поступить именно так, а не иначе.

Коллеги помоложе и «поделовитее» советуют ему поберечь себя, относиться к работе более спокойно, не растрачивать столь щедро уходящие силы и эмоции. Иосиф Павлович воспринимает эти советы с улыбкой: его уже не переделать, что за беда, мол, если перетрудится, зато ни за одно проведенное дело ему не было стыдно.

Впрочем, мне думается, сама судьба адвоката Любимова уже доказала правоту его нравственной позиции, еще раз подтвердив: отдавая всего себя людям, от них тоже получишь поддержку, иной раз в самой трагической ситуации.

В их большом многоквартирном доме в Баку Любимовых знали и уважали буквально все. К адвокату, понятно, шли с житейскими заботами, а к его жене-врачу – с болячками. И, конечно, никому отказа не было. Потому в страшные дни осени 1990-го, когда националисты взялись за оружие, соседи не выдали им ни Иосифа Павловича, в жилах которого течет не только русская кровь, ни спутницу его жизни – армянку. Но избежав горькой участи, оставаться больше на родине предков супруги уже не могли. Бросив все нажитое, они подались к сыну, в Москву.

Нетрудно представить, каково немолодым людям привыкать, обустраиваться на новом месте, каково адвокату оказаться без товарищей, без сложившейся за долгие годы клиентуры. Но снова по-доброму аукнулось прошлое.

Когда-то они работали в одной юрконсультации – Иосиф Павлович и его коллега. Но тому адвокатское дело вскоре наскучило, он попытал счастья на ниве хозяйственника. Только и здесь не все пошло гладко, а кончилось и совсем плохо: обнаружилась недостача, состоялся суд, влепили бывшему адвокату немалый срок за хищение. В юрконсультации об этом узнали лишь спустя какое-то время. И хотя не значился осужденный в близких друзьях Иосифа Павловича, он не мог остаться равнодушным. Несмотря на все пропущенные сроки, изучил дело, увидел явные пробелы обвинения и подал надзорную жалобу. Дело вернули в суд, деяние осужденного переквалифицировали с хищения на халатность и... выпустили человека на свободу. С учетом отбытого срока.

И вот теперь, оказавшись беженцем в Москве, Иосиф Павлович встретился с этим своим бывшим коллегой и подзащитным. Тот снова трудился в адвокатуре и быстро нашел выход: представил земляка московским друзьям. Иосиф Павлович вернулся к любимому делу, сейчас он трудится в коллегии адвокатов «Мосюрцентр».

Игорь ВАШКЕВИЧ,
спец. корр. «Российского адвоката»

Не все еще копья сломаны?

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Уже четыре года находится на рассмотрении в Государственной Думе РФ проект закона «Об адвокатуре в Российской Федерации», два года минуло после принятия его в первом чтении. Отчего такие проволочки? Есть ли перспектива появления закона в обозримом будущем? Как меняется в ходе дебатов содержание документа? На эти и другие вопросы в беседе с корреспондентом журнала отвечает депутат Думы от ЛДПР, заместитель председателя Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе Вячеслав КИСЕЛЕВ, полгода назад возглавивший рабочую группу по подготовке законопроекта ко второму чтению.

– Мне сложно оценивать работу предшественников,– говорит Вячеслав Викторович.– Им пришлось нелегко. Ведь сначала не удавалось даже определиться с концепцией будущего акта. О чем он: об основах деятельности адвокатуры или о правах и обязанностях адвокатов? Наконец, из двух вариантов депутаты остановились на том, что представил Президент РФ. Именно об адвокатуре как системе, реализующей конституционное право граждан на квалифицированную юридическую помощь и взаимодействующей ради этого с судами, правоохранительными органами и исполнительной властью. Но тут сам Президент попытался отозвать собственный проект, а когда это не удалось, появились обширные поправки Минюста, опять-таки меняющие взгляд на задачи будущего закона...

– По этому поводу в нашем журнале (№2 за нынешний год) выступил представитель Президента РФ в Думе Александр Котенков. Он-то считает, что в центре всех проблем стоит фигура адвоката, ему, его статусу и должен быть посвящен подготавливаемый акт.

– Тем не менее депутаты высказались в пользу другого подхода и вряд ли теперь изменят свою позицию. Поэтому наша рабочая группа рассматривает только те поправки, в том числе и минюстовские, которые вписываются в принятую концепцию. К слову, большинство из них уже внедрено в текст законопроекта, и в этом отношении он практически готов ко второму чтению.

Но есть одно «но». Параллельно с этим проектом разрабатывается проект нового УПК РФ, во многом, как вы понимаете, связанного с первым. Значит, важно, чтобы оба они были строго согласованы между собой – как по содержанию, так и по терминологии. Скажем, если по УПК сбор доказательств – это вполне определенные процессуальные действия, то именно эти действия мы должны иметь в виду, предоставляя соответствующие права адвокату... Так можно ли всю эту кропотливую работу назвать «проволочкой» в подготовке столь важного для нас закона?! Мне кажется, нет.

– И как же выглядит законопроект сегодня? Помнится, речь шла о лицензировании адвокатской деятельности как способе признания государством права гражданина на такую деятельность.

– Лично я отношусь к этой идее отрицательно. Человек становится адвокатом не с разрешения государства, а по воле адвокатского сообщества, признавшего его своим. Имеет человек соответствующее образование, опыт, сдал квалификационный экзамен, и коллегия принимает его в свои члены. И причем тут государство? Считаю, что органы юстиции, суды вправе лишь делегировать своих представителей в квалификационные комиссии, чтобы убедиться в профессиональных качествах кандидата на адвокатское звание.

– Но не получится ли так, как уже бывало: коллегии искусственно ограничивали прием? В результате достойные люди не могли реализовать свое право на профессию, а тысячи граждан лишались юридической помощи из-за нехватки адвокатов.

– Это обратная сторона другой проблемы – приема в коллегию слабых, нравственно нечистоплотных людей. И то, и другое, конечно, недопустимо. Но опека со стороны государства дела не улучшит. Здесь одна испытанная гарантия – уровень тех, кто принимает новичка в свой коллектив, то есть уровень самой коллегии адвокатов. А форма приема в адвокатское сословие существует уже более века, и эту традицию надо закрепить в законе. Тогда и давления на коллегии не будет – ни в ту, ни в другую сторону. К тому же гражданин вправе обжаловать в суд необоснованный, по его мнению, отказ в приеме. Такой механизм, на мой взгляд, устраняет все сомнения в этой процедуре. Добавлю, что и в последующем закон исключает какую-либо предвзятость к адвокату со стороны коллег. В отношении своей профессиональной деятельности он совершенно независим «от мнения и оценок» каких-либо органов и должностных лиц, в том числе коллегии адвокатов. «В коллегии адвокатов не должны устанавливаться взаимоотношения, которые противоречили бы самостоятельности и независимости адвоката...»,– подчеркивается в законопроекте.

– Но, видимо, коллеги, представители власти не могут проходить мимо нарушений адвокатом своего долга, профессиональной этики?

– Разумеется. И в проекте есть как специальная глава об ответственности адвоката, так и нормы, определяющие порядок лишения его права заниматься адвокатской деятельностью. Дело о дисциплинарной ответственности адвоката (а меры тут – от замечания до исключения из коллегии) могут возбудить и коллеги на общем собрании (конференции), и президиум, и председатель президиума коллегии, а также руководители органов юстиции. Лишить же адвоката права заниматься адвокатской деятельностью можно лишь в нескольких случаях. Например, по решению об этом суда либо в случае признания его судом виновным в совершении умышленного преступления. Как повод к лишению адвокатского звания мы рассматриваем и невыполнение адвокатом своей важнейшей обязанности по оказанию бесплатной юридической помощи гражданам и участию в делах по назначению органов следствия, прокуратуры и суда. Опять-таки вопрос об этом перед судом вправе поставить как сама коллегия адвокатов, так и органы юстиции.

– Адвокаты ждут, что новый закон даст им серьезные гарантии беспрепятственного исполнения возложенных на них обязанностей. Что они всегда смогут встретиться с подзащитным, содержащимся под стражей, реально добывать для суда доказательства в пользу обвиняемого.

– Да, такие гарантии мы закладываем в законопроект. Например, для осуществления своих правомочий в государственных и иных органах адвокату «необходимо и достаточно» предъявить должностному лицу (скажем, в СИЗО) адвокатское удостоверение и ордер на участие в деле. Что же касается представления в суд собственных доказательств, то что-то, как я уже сказал, будет отражено в новом УПК, а в нашем проекте пока указывается на право адвоката «собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи», «осуществлять частные расследовательские меры», «запрашивать на договорной основе заключения специалистов» и т.д. Но, видимо, тут еще возможны уточнения формулировок.

Важно также отметить такие гарантии адвокатской деятельности, как невозможность привлечения адвоката за «мнение, выраженное в общеупотребимой форме устно или письменно» при ведении дела, невозможность в отношении его каких-либо следственных или оперативно-розыскных действий иначе как по решению суда и только в связи с уголовным преследованием самого адвоката. Уголовное дело в отношении адвоката вправе возбудить лишь заместитель прокурора субъекта Российской Федерации и выше, предъявить обвинение допустимо лишь с согласия прокурора субъекта РФ и выше, а рассматривать дело в отношении адвоката, если оно связано с его профессиональной деятельностью, должен только Верховный суд РФ.

– В условиях рынка особое значение приобрели гарантии экономической независимости адвокатов и их объединений.

– Мы считаем необходимым пойти дальше общих заявлений о государственной поддержке адвокатской деятельности. К примеру, определить предельный размер отчислений в пенсионный фонд и фонд социального страхования. Скажем, в 5 процентов от заработка.

– Наверное, что-то можно было сказать и о принципе оплаты труда адвоката в делах по назначению? Допустим, установить, что его дневной заработок должен быть на уровне заработка представителя обвинения в данном процессе. Раз мы говорим о процессуальном равенстве сторон! К тому же это стало бы хорошим стимулом для участия адвокатов в такого рода делах.

– Мы обсудим это предложение.

– И в каких же формах будут трудиться наши коллегии согласно новому закону?

– В самых разных. Это и традиционная юридическая консультация, и появившиеся в последние годы адвокатские бюро, фирмы, наконец, можно практиковать и индивидуально. Причем как организовать работу по той или иной схеме – дело самих адвокатов, их коллегий. Единственное, что мы предлагаем тут урегулировать,– это ограничить аппетиты президиумов на отчисления адвокатов в фонд коллегии. Они, на наш взгляд, не должны превышать 25 процентов от заработка адвоката.

– В дебатах по законопроекту остро стоял (и стоит) вопрос о количестве коллегий в субъектах Российской Федерации. Как я понимаю, на сегодняшний день проект предписывает образовать в краях, областях, республиках лишь по одной коллегии. Но это ограничило бы конституционные права граждан на свободное объединение и выбор профессии.

– Не совсем так. Проектом предусматривается существование коллегий адвокатов двух видов – территориальных с обозначением в их названии субъекта Российской Федерации, на территории которого они образованы, и межтерриториальных специализированных, создаваемых с согласия федерального органа юстиции и Всероссийского федерального союза адвокатов. Так что у граждан остается выбор, где приложить свои силы в качестве адвоката. Зато в каждом регионе складывается стройная система защиты как общественных интересов (органы прокуратуры, МВД, ФСБ и др.), так и личности (единая адвокатура). Прокурору, следователю, дознавателю не придется искать адвоката по разным адресам, как это случается сегодня. Он знает один адрес: региональная коллегия адвокатов. К слову, этот принцип построения адвокатуры существует в России от судебной реформы 1864 года и сбоев не давал.

– Но регион региону рознь. И во многих местах существуют и две, и три, и больше коллегий, удовлетворяющих местный спрос на адвокатскую помощь и вполне координирующих свою деятельность, в том числе в работе по делам по назначению органов следствия и суда. Для решения общих задач образованы специальные советы, ассоциации.

– Все эти надстройки только усложняют общую конструкцию, затрудняют контроль за качеством работы адвокатов. К одним и тем же проблемам в разных коллегиях разное отношение. Человека не приняли из-за низких профессиональных качеств в одну коллегию – он обращается в другую, и его принимают. Это сказывается на общем уровне адвокатской помощи, на авторитете всего сообщества.

– Вы упомянули Всероссийский федеральный союз адвокатов как высшую форму объединения адвокатов страны. Многие воспринимают соответствующую норму законопроекта как признание особых прав за ныне существующим Федеральным союзом адвокатов.

– Это не так. Проект не отдает приоритета ни одному из действующих объединений, ни одной коллегии адвокатов. В перестройку все они входят на равных условиях и в течение двух лет с момента вступления закона в силу сообща создают территориальные или межтерриториальные специализированные коллегии. Те же в свою очередь образуют единый союз адвокатов России.

– В общем, предвижу, что на пути к единству еще будет немало сломано копий. Тем не менее когда же все-таки намечается второе слушание долгожданного законопроекта?

– Как я сказал, он уже практически готов к слушанию. Сейчас рабочая группа заканчивает работу, и будет образована небольшая группа специалистов для стилистической и терминологической доводки текста. Полагаю, законопроект будет представлен депутатам уже до конца нынешнего года.

Можно было бы обойтись информацией: «В Москве президиум Межреспубликанской коллегии адвокатов открыл новую консультацию под номером 153, возглавил которую кандидат юридических наук, член Союза российских писателей, недавний иркутянин, а ныне москвич Марк Соломонович Крутер». Пусть соображающие возьмут на заметку, причастные к праву заинтересуются, а сплетники оживут.
Я настойчиво тормошу первых, искренне понимаю вторых и, забегая дорогу третьим, как умею, болтаю о Марке Крутере, ибо та гремучая смесь, из которой сложены и он сам, и его поступки, стоит поэмки, повестушки или романа. Впрочем, на поэмку не разбегусь, на повесть и роман не потяну (тем более, что мой герой – автор нескольких повестей и одного романа – делает это получше меня), а вот на заметки, долженствующие сложиться в непростой и симпатичный портрет неординарной личности, отважусь.

Фото Марины СВИНИНОЙ

Нападающий в ЗАЩИТЕ

Анатолий КОБЕНКОВ, писатель

Я знаю его в семье, в работе, в дружеских застольях; я читал его книжки, помню его одиночество, непраздно наблюдал, как он, лишенный права на самозащиту, изгнанный из коллегии адвокатов и разведенный со славой КПСС, зализывал раны, блефовал, выживал – выжил!

Чуть более десяти лет назад, в самую пору лигачевской кампании по борьбе с пьянством, по возвращении из творческого отпуска (только-только была поставлена точка в измучившей его повести) Марк был замечен подшофе на борту самолета. Его взяли прямо у трапа (хотя – «рюмка коньяка, от силы – две»), залезли в кейс – ахнули: десять тысяч!..

Как после выяснилось, инициатива исходила от обкома партии (не без участия КГБ), в операции участвовали правоохранительные органы всех рангов; после звонка из «серого дома» в коллегии адвокатов без рассуждений и колебаний отреклись от своего товарища; само собой тут же подключили нашего брата журналиста: без должной проверки главный печатный орган региона – «Восточно-Сибирская правда» – тиснул заметочку «Адвокат во хмелю»; дома – скандал, развод, сын чуть не вылетел из университета, не был выпущен на соревнования в Японию; друзья-товарищи попрятались кто куда: «некогда, Марк», «извини, Маркуша», «спасайся, Марик, как можешь»...

Я бы в такой ситуации – коли не вздернулся, то горькую бы запил... А Марк достал рукописи своих рассказов, последний вариант повести, которую как раз накануне случившегося драконили в местной писательской организации, отмахнулся от советов недоброжелателей, припомнил слова Валентина Распутина: «книга имеет право на жизнь» – и с головой ушел в работу.

Как раз к тому времени, когда он довел свою книгу до возможного совершенства, грянули иные времена: цензура приказала долго жить, коммунисты занялись собственным спасением, гэбэшники заявили о своем переустройстве; появилась возможность заняться своим прямым делом – адвокатской деятельностью; завелись – после долгого перерыва – первые денежки, Марк выпустил на них книгу, она тут же разошлась, зачиталась.

К книжке можно придраться: написана без изящества, но та человеческая прямота, та исповедальность, с какой рассказывается в ней о заблудших – карманниках, громилах, убийцах и просто неудачливых людях, вынуждает всякого, раскрывшего ее, дочитать до конца и не позабыть.

Помимо рассказов из адвокатской практики есть в книге и повесть. Она автобиографична – фамилия главного героя, обыкновенного пацана из иркутского подворья, читается прозрачно: Крутов. Там – об Иркутске пятидесятых-шестидесятых, о дедушке и бабушке, об отце, матери, брате... Кажется, по сей день бродят по Иркутску слухи, будто удачливая адвокатская судьба Крутера была обеспечена ему родителями: отец – знаменитый в свое время адвокат, мать – уважаемый судья.

Дудки! Все, что Крутером наработано, получено без чьей-либо помощи: отец умер, когда Марку и Яше (они

близнецы) было по два года, мать бросила их девятилетними – сгинула напрочь, и по сей день о ней ничего неизвестно. Поднимали их родители отца, тихие сибирские евреи, едва сводившие концы с концами дедушка и бабушка...

Пять лет назад Марк положил рядом с ними на кладбище Яшу, такого же большого, широкоплечего, как и он сам, но, не в пример ему, робкого и неловкого в жизни, неудачливого в семейных делах и до последнего дня не расстававшегося с теннисной ракеткой (и Марк, и Яша в свое время дошли до мастеров, но Марк пошел дальше – стал еще и кандидатом юридических наук, будучи обласкан известным в стране профессором права Михаилом Бабаевым).

Яша был младше Марка на несколько минут, а казалось – на годы. Горько, что он ушел так нелепо и как раз тогда, когда Марк в очередной раз встал на ноги: в коллегии адвокатов его не восстановили, но, приученный жизнью надеяться только на себя, он воспользовался моментом – первым в Восточной Сибири организовал правовой кооператив «Защита», затем – коммерческо-правовую фирму «Защита», потом – частную.

В свою компанию он собрал лучших из лучших: энциклопедически образованного своего учителя, бывшего декана юрфака Олега Иванова, любимого студенчеством профессора Григория Гаверова, молодого и неординарного, ныне банкира Евгения Потапова.

В то время Марк был зациклен на плачевном положении российских адвокатов – и по сей день наш защитник не всегда равен в правах с обвинителем, по-прежнему с ним не считаются в должной степени, правоохранительные органы нет-нет да устраивают адвокатские «чистилища». Те иркутские адвокаты, что умудрились сделать себе имя в неподобающих для них условиях,– истинные герои. Однако перестроечные моменты в стране совпали с их пенсионным возрастом. Большинство из них были изгнаны из адвокатуры, остались без практики, без необходимых средств к существованию и борьбе с нагрянувшими болезнями.

В ту пору Марк загорелся идеей новой книги – историей иркутской адвокатуры, пошел по архивам – ахнул: для того, чтобы осуществить задуманное, нужны годы. А пока суд да дело, он создал Фонд помощи адвокатам-пенсионерам – стал отстегивать им энные суммы, развозить по домам продукты и лекарства.

Ясно, что такие действия были подсказаны ему полуголодным детством, пионерскими лагерями, где все и всегда делилось поровну; понятно, что он повел себя таким образом, хорошо помня те черные дни и месяцы, когда сам остался без помощи, при слежке, прослушиваемом телефоне, без надежды на будущее.

Конечно, поровну никогда не выходило, не выходит и не выйдет: ясно, что Марк будет жить лучше меня, ибо стучаться к нему будут чаще, нежели ко мне и прочим: он защитник! Защитник с Именем!

– К нам, как к священникам,– говорит он,– идут исповедоваться, жаловаться, плакать. Культовый священник спасает душу, адвокат – судьбу, имя, свободу...

В конторе Марка я встречался с поникшими академиками и неудачливыми коммерсантами, выслушивал отпетых преступников, известных поэтов и художников,

Рисунок Леонида НАСЫРОВА

Фото Александра КНЯЗЕВА

Марк Крутер с женой Ольгой

бывал потрясен сногсшибательными историями бывшей номенклатуры и отчаявшихся проституток...

Когда несколько лет тому назад Марку предложили прослушать разговор, специально записанный молодым адвокатом на микромагнитной штуковине, он возмутился:

– Священник с магнитофоном в роли стукача или оперативника – нонсенс!

В делах защиты у него есть свои хитрости, свои, как он говорит, «заморочки»; он четко определяет, в каком деле ему следует участвовать самому, на какое – бросить проверенного коллегу; он вовлекает в защиту писателей, психологов, психиатров и других специалистов.

При первой же возможности он полетел в Америку, посмотрел на работу частных адвокатских фирм, побывал в судебных процессах. Не сразу подвел итоги, тем более что они оказались не в пользу нашей правовой системы.

– Наша юриспруденция ни к черту,– печалится он,– еще мало кто сообразил, что будущее за арбитражным судом, по сей день лишь единицы всерьез знакомы с банковским делом, налоговыми правилами, внешнеэкономической деятельностью.

Среди последних дел Марка – защита «мафиози» из Братска, доказательство невиновности главбуха крупного концерна, помощь одураченному журналисту... Дела миллионные, дела копеечные, дела бесплатные – бывший нищий, помоги нищему!

Он рассказывает одну историю за другой, в каждой –фантастическая интрига, пятиэтажный сюжет, неминуемый проигрыш подлеца, логически предрешенная победа неправедно обиженного или обманутого.

Марк – посередке, он – победитель.

Увы, не всегда так: та махина, которую мы выстроили за семьдесят лет, против защитника. Однако и настоящий защитник против нее. Борьба за достойное место адвоката в российской правовой системе уже всерьез развернулась.

Сам он уже доказал беспринципность тех, кто ославил его на всю область: «Восточно-Сибирская правда» извинилась перед ним; деньги, изъятые из кейса во время задержания у трапа авиалайнера, возвращены.

Полгода назад Марк выступил публично с очередной своей исповедью – выпустил роман, с которым мучился десять лет и чье название звучит дерзко, как вызов: «Я защищаю Япончика».

Он действительно был защитником человека, именуемого «отцом русской мафии», во времена его пребывания в Тулунской тюрьме.

Марк увлекся этим человеком настолько, что решился сопоставлять свою судьбу с непростой судьбой Иванькова – запараллелил, зарифмовал беды, обрушившиеся на «вора в законе», с несчастьями, выпавшими на долю «адвоката во хмелю»; он оплакал выпавшую на его долю невостребованность жестоким временем, как свою жизненную слепоту, подарил своему герою непростую любовь, поведал о любви своей.

Роман отважно достоверен – здесь провинциальные гэбэшники ведут себя под стать гэбэшникам столичным, здесь друзья познаются в беде, здесь вновь – выписанные с еще большей силой и трепетом – дедушка и бабушка, брат Яков, дорогая, подаренная Богом Ольга.

Кого-то роман обидел, кого-то удивил: так «дразнить гусей», так плакаться и каяться человеку, разменявшему шестой десяток, вроде бы не пристало. А у него на столе новая повесть, новые рассказы.

Опять об униженных и оскорбленных, вновь во имя их защиты, по новой через призму своих заблуждений, на минном поле из своих незаживающих ран и неутихающих болей...

Став москвичом, он постоянно наведывается в Иркутск.

Здесь многие ему рады – дорожат общением с ним, ждут от него совета и помощи.

Здесь десятки людей, которым он помог, столько же, которые не поняли и не помогли ему.

Он без скрипа прощает обиды, открыт для многих.

Но первым делом он едет на кладбище.

Двухметровый мужик сдирает с багровой щеки слезу, чувствует себя полуголодным пацаном с ангарской набережной и никак не вспомнит, что он – защитник, священник, игрок, писатель, выпрямитель человеческих судеб и часто-часто – победитель.

Для того чтобы это было понятно многим, можно было бы обойтись и информацией: «В Москве президиум Межреспубликанской коллегии адвокатов открыл новую консультацию под номером 153, возглавил которую кандидат юридических наук, писатель и публицист, недавний иркутянин, а ныне москвич Марк Соломонович Крутер».

НАРКОМАНИЯ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Свыше 185 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершено в нашей стране в минувшем году. Более 100 тысяч человек привлечено к уголовной ответственности... Эти и другие данные приводили участники научно-практической конференции, состоявшейся в конференц-зале Министерства юстиции Российской Федерации. Организована и проведена она была усилиями президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов. Это была, пожалуй, первая конференция, проводимая адвокатами по наркотикам. А дела данной категории – не только уголовные. Мало отраслей права, которые бы не затрагивала проблема наркомании. Не случайно в работе конференции принимали участие опытные юристы, имеющие большую практику защиты интересов граждан на предварительном следствии и в судах по делам о приобретении, хранении и сбыте наркотических веществ, ответственные работники Минюста, прокуратуры, МВД, крупные ученые и эксперты, представители Верховного суда РФ.

К сожалению, к проблеме наркомании до сих пор нет единого подхода ни в обществе, ни даже среди правоведов, подчеркнул в своем докладе первый заместитель председателя президиума МРКА **Юрий Сорокин.** Это отражается и на отношении к новому федеральному закону. Одни одобряют его «жесткие» статьи, предусматривающие уголовное наказание за потребление наркотиков, другие – опасаются, что борьба с наркоманией превратится в преследование наркоманов, по существу больных людей, а не против торговцев белой смертью и содержателей наркопритонов. Приводилась на конференции еще одна симптоматичная цифра – только 14 процентов из числа привлеченных к ответственности составляют продавцы, организаторы сбыта наркотических веществ. Правда, тенденция эта, похоже, будет меняться. Как сообщила собравшимся старший помощник прокурора Москвы **Ирина Дунякова,** на коллегии прокуратуры было принято решение: по каждому уголовному делу для собственно потребителей наркотиков обязать органы следствия принимать меры к выяснению объектов их приобретения – лицо, место. Только после этого решать вопрос о возбуждении уголовного дела.

Судья военной коллегии Верховного суда РФ генерал-майор юстиции **Владимир Хомчик** рассказал собравшимся об основных положениях проекта постановления состоявшегося накануне конференции пленума Верховного суда Российской Федерации, обсудившего острейшие проблемы практики по делам о незаконном обороте наркотиков, проанализировал судебную практику по делам данной категории, которых, к сожалению, становится все больше и больше. Число таких дел, рассмотренных военными судами, увеличилось в минувшем году на 30 процентов.

Заместитель председателя президиума МРКА, кандидат юридических наук **Иван Мацкевич** сообщил участникам конференции, что на пленуме Верховного суда РФ была рассмотрена некорректная формулировка статьи 228 Уголовного кодекса РФ «Незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ». К парадоксу приводит нечеткое толкование термина «перевозка», в результате чего на практике два человека, купившие, например, на Лубянской площади одинаковые дозы одного и того же наркотика, подвергаются разному наказанию в зависимости от того, пошел наркоман от торговца зелья пешком (ч.1 ст.228 УК РФ) или, скажем, проехал одну-две остановки на метро (ч.2 ст.228 УК РФ). Вот и идут ходоки-наркоманы с Лубянки в Медведково или Бибирево пешком, опасаясь применения к ним ч.2 ст.228 УК РФ.

Участники научно-практической конференции приняли решение создать рабочую группу по проекту новой редакции статьи 228 УК РФ с тем, чтобы после его рассмотрения и всестороннего обсуждения учеными-юристами, экспертами, адвокатами-практиками, представителями судов, прокуратуры, МВД и Министерства юстиции выйти с законодательной инициативой в Государственную Думу.

Виктор ДОЛГИШЕВ,
спец. корр. «Российского адвоката»

Пленум постановляет...

В постановлении от 27 мая 1998 г. №9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными сильнодействующими и ядовитыми веществами» пленум Верховного суда РФ обратил внимание судов на правильное и единообразное применение законодательства об ответственности за совершение данного вида преступлений и дал соответствующие разъяснения.

Имея в виду, что незаконное приобретение или хранение наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта отличаются по правовым последствиям от аналогичных действий, совершенных с целью сбыта, пленум рекомендовал судам по каждому такому делу учитывать характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягощающие наказание... В постановлении дана также четкая формулировка терминов: незаконные приобретение, хранение, изготовление, переработка, пересылка и перевозка наркотических средств или психотропных веществ. Так, под незаконной перевозкой следует понимать умышленные действия по перемещению наркотических средств или психотропных веществ (большого количества, не для личного потребления) из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта с использованием любого вида транспортного средства и в нарушение общего порядка перевозки указанных средств и веществ, установленного федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах».

С принятием настоящего постановления (опубликовано 10 июня с.г. в «Российской газете») постановление пленума Верховного суда РФ от 27 апреля 1993 г. №2 признано утратившим силу.

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

бы она ни называлась – традиционная, параллельная, альтернативная, всячески, проявляя когда нужно требовательность, должна помогать ему в этом.

Несомненно, от адвоката требуются и сострадание, и глубокое уважение к человеку как к личности. Чтобы помочь клиенту «достучаться» до судьи, прокурора, нужно понять мотивы, а для этого требуется быть еще и хорошим психологом. Да мало ли какие другие полезные качества понадобятся для защиты людей, которые считают, что права их нарушены.

С другой стороны, настоящий адвокат – всегда личность нравственно безупречная. И не только потому, что это внутренняя потребность его души. Порядочность – категория юридическая. Бесчестный поступок крайне невыгоден для карьеры молодого юриста, ставит в конечном итоге его вне рамок профессиональной корпорации.

Порядочность –

Председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов заслуженный юрист Российской Федерации Николай Наумович КЛЕН – фигура в адвокатских кругах известная. Опытнейший правовед. Более 15 лет он бессменно возглавляет одно из старейших адвокатских сообществ, занимает ряд других ответственных должностей.

– Николай Наумович, вы стояли у истоков создания одной из авторитетнейших коллегий адвокатов, тысячам молодых юристов дали путевку в жизнь. Кому же как не вам представить собирательный образ настоящего адвоката, определить соотношение в его личности собственно профессиональных качеств с тем, что именуется нравственными принципами?

Ремесло представителей нашего адвокатского сословия обычно сравнивают с профессией врача. У тех и других необычайно широк уровень влияния на клиента, пациента – от незначительного совета до вопросов, от правильных ответов на которые зависит порой жизнь человека. И у нас, как у врачей, возможность помочь человеку довольно ограничена. Вдумайтесь, на одной стороне – огромная государственная машина: суд, прокуратура, следствие, органы МВД, на другой – адвокат со своим подзащитным. Что он может противопоставить этому хорошо отлаженному аппарату? Прежде всего классическую профессиональную подготовку, на что мы особое внимание уделяем на квалификационных комиссиях. Это не только основа основ, но и нравственная позиция адвоката. Ведь неполноценная защита – непорядочна, сродни предательству. Вот почему настоящий адвокат всегда стремится к вершинам профессионализма, и коллегия адвокатов, как

– Как же молодому юристу сделать карьеру, стать истинным профессионалом? Есть ли какой-нибудь универсальный рецепт?

– Конечно, в одночасье маститым адвокатом не станешь – ведь это повседневный тяжелый труд. Но путь к вершинам один: завоевание доброго имени, репутации. И алгоритм простой: сначала адвокат работает на имя, затем имя работает на него. Разумеется, здесь также не следует упрощать. Для становления адвоката нужна целостная система профессиональных и нравственных принципов, а не отдельные хорошие качества. Но во главу угла я бы все-таки поставил неспособность к недостойным, непорядочным поступкам. Для членов Американской ассоциации адвокатов, например, нормы юридической этики (недавно эти проблемы мы обсуждали на семинаре в Нью-Йорке) имеют скорее обязательный, чем рекомендательный, как у нас, характер.

Настоящий адвокат должен всегда быть предельно честным с клиентом. Не обнадеживать, например, голословно: я гарантирую результат. Изучить обстоятельства дела. Есть ли правовая позиция, которую можно развить для защиты? По уголовному делу я не вправе отказаться и обязан использовать все законные средства для защиты интересов клиента. Но требования нравственности шире рамок закона. И поэтому средства защиты должны быть не только законными, но и не выходить за пределы порядочности. И грань здесь очень тонкая... Чаще всего подзащитного не интересует, какими средствами я добьюсь требуемого результата. Но мне и коллегии в целом это далеко не безразлично... Я, скажем, не могу пойти на поводу у клиента, если это противоречит моим принципам. Но я обязан рассказать ему юридическую сторону проблемы, предупредить о возможных последствиях. Не будем забывать, защищаем мы не преступника, а человека, гражданина, подозреваемого в совершении преступления. И я, как адвокат, не должен устанавливать истину

в суде – я обязан найти смягчающие и оправдывающие обстоятельства для моего подзащитного. Должен, опять же как врач, помочь и – не навредить. А вот в гражданском судопроизводстве я не связан. Берусь за дело только тогда, когда есть прочная правовая основа.

– Адвокатура всегда была одним из инструментов поддержания нравственного духа общества, и эта миссия особенно важна сегодня, в условиях явной моральной деградации и раскола общества. Но сегодня и в самом адвокатском сообществе нет единства. Даже в таком важном вопросе, как принятие Закона об адвокатуре. Как вы можете объяснить эту ситуацию?

– Самое удручающее на сегодняшний день – это проблема с принятием нового Закона об адвокатуре. В целом между адвокатскими коллегиями непримиримых противоречий нет. Проблема же заключается в основном в разногласиях среди адвокатского сообщества по вопросу организационного построения коллегий в регионах. Это наш внутренний вопрос. Гражданам по большому счету безразлично, будет ли одна адвокатская организация или множество, главное – ему необходим квалифицированный адвокат.

Ь – КАТЕГОРИЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ

– Какой же быть российской адвокатуре: традиционной, как сейчас, или же следует принять иную модель?

– Я придерживаюсь того мнения, что все адвокаты России, в какую бы коллегию они ни вступали, какую бы форму своей деятельности не избирали, должны состоять в одном федеральном профессиональном союзе, в обязательном порядке соблюдать единые правила адвокатской этики, которые не только должны помогать им выполнять свои профессиональные обязанности достойно, честно, компетентно, эффективно, но и способствовать повышению престижа адвокатуры.

Конечно, помня не столь давние времена, адвокаты опасаются возможного диктата Министерства юстиции, когда его «рука» чувствовалась весьма ощутимо (как было лет 20 назад). Адвокаты стремились уйти из-под этой «руки», так как сам институт адвокатуры независим – зависимая адвокатура теряет свой смысл.

Тут мы подходим к корпоративным интересам и начинаем понимать, что неоднородная организационная структура современной адвокатуры России тормозит принятие нового закона. Существование альтернативных коллегий – свершившийся факт. В них работает почти треть адвокатов страны, и с этим надо считаться. В Гильдии российских адвокатов – около десяти тысяч человек, и как можно с ними решать вопрос: нужна эта коллегия или не нужна? Она уже есть. Другое дело, как объединить все существующие коллегии. Мы предлагали создать союз или совет, который бы координировал вопросы адвокатской этики, изданий методических рекомендаций, распределений поручений по назначению, гонорарной практики, повышения квалификации и т.д. Мы могли бы объединиться, не будучи подчинены друг другу. В последнее время наконец наметился положительный сдвиг в этом направлении. В отдельных регионах (Челябинск, Санкт-Петербург и др.) созданы советы коллегий.

До сих пор коллегии адвокатов (уже несколько лет) отстаивали собственное видение организационного построения адвокатуры в России, а тем временем в стране появились тысячи лиц, имеющих (причем не всегда) высшее юридическое образование, занимающихся оказанием юридической помощи вне системы адвокатуры. Это всевозможные юридические фирмы, конторы, зарубежные фирмы – никто по существу не интересуется их деятельностью, их правовым статусом. В новом Законе об адвокатуре, на наш взгляд, эти вопросы тоже должны найти отражение.

– Каким видится вам будущее Межреспубликанской коллегии, российской адвокатуры в целом?

– Адвокат становится в обществе более яркой, заметной личностью – многие судебные процессы стали освещаться на радио, телевидении, в прессе. Благодаря демократическим влияниям мы наконец-то отошли от косного правила прошлых лет, когда судам, по существу, не позволялось выносить оправдательные приговоры. По архивам одной только нашей коллегии можно обнаружить следующую положительную закономерность: если в 1992 году судами было вынесено 15 оправдательных приговоров с участием адвокатов МРКА, то в 1997 году уже было оправдано 38 человек, свыше тысяче лиц произведена переквалификация предъявленного обвинения, предусматривающая менее строгую ответственность, и вынесены более мягкие меры наказания. Почти 700 миллиардов неденоминированных рублей было присуждено и взыскано в минувшем году в пользу обслуживаемых организаций и фирм по искам, заявленным с участием адвокатов Межреспубликанской коллегии адвокатов, что в 5 раз больше, чем в предыдущем году.

За этими цифрами – большая работа адвокатов нашей коллегии, их настойчивость, профессионализм, добросовестное отношение к своей работе, знания и опыт. Много у нас молодежи. В ней наше будущее. Но и работы здесь непочатый край, в том числе, естественно, и в аспекте адвокатской этики. Ведь порядочность, как мы говорили, есть категория юридическая.

Беседу вел спец. корр. «Российского адвоката»
Виктор ДОЛГИШЕВ

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Не дожидаясь ОБВИНЕНИЯ

Владимир СЕРГЕЕВ,
член Межреспубликанской коллегии адвокатов

В коридоре отделения милиции встретил знакомого адвоката. Он стоял перед дверью кабинета, где допрашивали его клиента-бизнесмена. Судя по всему, бизнесмена подозревали в финансовых махинациях. Но обвинение еще не было предъявлено, допрашивали его пока как свидетеля, и не допущенному к делу адвокату оставалось только маяться в томительном ожидании в коридоре.

Вместе с тем, по мнению адвоката, подозрения следователя были неосновательными, да и само дело возбуждено незаконно. Но вот беда – на этой стадии процесса никто из должностных лиц милиции и прокуратуры адвоката даже слушать не желает.

Что ж, знакомая картина. Но из кажущегося тупика есть выход, и я посоветовал коллеге, как можно поступить в таком случае и не допустить нежелательного для его клиента развития событий. Позже узнал, что совет оказался полезным. Следуя ему, адвокат и его клиент доказали несостоятельность возбужденного дела, и оно было прекращено за отсутствием состава преступления.

В чем же суть уже не раз опробированной методики? Речь идет о такой, подчеркну сразу, непроцессуальной форме, выходящей за пределы традиционного участия адвоката в деле, как подготовка юридических (правовых) заключений об оценке действий конкретного подозреваемого или юридического лица, деятельность которого является предметом предварительного следствия по уголовному делу.

Как это происходит на практике? Вот, как мне кажется, достаточно наглядный пример.

В мае прошлого года Балашихинским УВД по материалам проверки, проведенной ОЭП ГУВД совместно с КРУ Минфина РФ, в отношении генерального директора одного предприятия было возбуждено уголовное дело по ст. 171 УК РФ (ст. 162 ч. 2 УК РСФСР). Генеральный подозревался в том, что якобы занимался незаконной предпринимательской деятельностью. Видите ли, руководимое им предприятие в течение нескольких лет реализовывало нефтепродукты без соответствующей лицензии и, следовательно, получило незаконный доход – более миллиарда рублей. После нескольких допросов в качестве свидетеля руководитель предприятия был предупрежден о том, что ему предъявят обвинение и тогда же будет решен вопрос о применении к нему меры пресечения. Узнав об этом, учредители предприятия обратились ко мне за советом, как поступить в такой ситуации – им, предприятию и самому генеральному директору.

Ясно, что в тот момент давать какие-либо советы было крайне сложно. Поскольку мой будущий клиент не являлся ни подозреваемым, ни задержанным, материалы уголовного дела и полученные следствием доказательства ему не были известны. Изучение же бухгалтерской документации на предприятии (в то время, когда там продолжали работать ревизоры и эксперты-бухгалтеры), на чем настаивали учредители, грозило привести к последующим осложнениям в отношениях со следствием. Мои действия могли быть расценены как попытка помешать следствию, а в последующем повлечь вызов адвоката на допрос в качестве свидетеля.

Оставалось либо ждать, когда генеральному директору предъявят обвинение, либо на основе имеющихся у него документов (акт ревизии, ответы прокуратуры на его жалобы, копии договоров с партнерами по бизнесу и др.) попытаться составить юридическое заключение об оценке действий предприятия и его руководителя. Окажись оно благоприятным для генерального, с ним можно было бы идти на встречу со следователем или прокурором. Некоторые сомнительные выводы ревизоров, противоречивость нормативно-правовых актов по вопросам, входившим в предмет расследуемого дела, а также слабость позиции прокуратуры, просматривавшаяся в ответах на жалобы моего клиента, побудили меня поступить именно таким образом.

И что же удалось выяснить? Самые принципиальные факты. Скажем, что предприятие осуществляло торгово-закупочную деятельность в соответствии со своим Уставом, при этом деятельность по приобретению и реализации нефтепродуктов, оказывается, не включена в Перечень видов деятельности, требующих специальных разрешений (лицензирования). Иная же позиция ревизоров в этом вопросе была связана с неверным прочтением ряда нормативных актов, а то и опорой на отмененные или даже несуществующие акты.

Ясно, что для таких выводов адвокату потребовались глубокое изучение действующего законодательства, консультации специалистов Минэкономики РФ, Госкомнефтепродукта РФ, Минюста РФ, а также анализ объяснений, которые я получил у моего клиента и его сослуживцев. Зато теперь я мог составить аргументированное юридическое заключение об отсутствии в деятельности предприятия и его руководителя каких-

либо нарушений хозяйственного законодательства.

Нет слов, такое заключение не имело самостоятельного процессуального значения. Однако мы нашли возможность ввести его в материалы уголовного дела. Мой клиент направил следователю официальное ходатайство с требованием прекратить возбужденное уголовное дело за отсутствием в его действиях состава преступления. К ходатайству и было приложено заключение. Также были приложены копия моего письма учредителям с обоснованием, почему заключение было подготовлено, а также выданный мне ордер юрконсультации для защиты интересов генерального директора на предварительном следствии.

Профессиональный анализ работы предприятия, хозяйственных договоров, заключаемых им с партнерами, правовой базы по исследуемому вопросу, судебной и следственной практики по аналогичным делам и достаточно убедительная аргументация позиции защиты, изложенные в юридическом заключении, позволили убедить следственный орган в судебной бесперспективности расследуемого дела и отказаться от запланированного мероприятия по привлечению моего клиента к уголовной ответственности. Уголовное дело в отношении его было прекращено за отсутствием состава преступления.

Указанный способ внедрения адвоката в уголовный процесс на стадии до предъявления его доверителю обвинения имеет, на мой взгляд, целый ряд несомненных плюсов.

Прежде всего он выгодно отличается от традиционной конфронтации защиты и обвинения. Ведь с помощью адвоката предупреждается серьезная ошибка следствия. К тому же осознание следователем бесперспективности расследуемого дела происходит намного раньше, чем обычно (при предъявлении обвинения или даже в суде). Да следователю и психологически легче отказаться от своей версии до того, когда она уже облечена в форму обвинительного заключения: не приходится заботиться о «чести мундира».

Особо хочу отметить, что подготовка адвокатом юридического заключения и его направление следователю не могут расцениваться как давление на следствие, вмешательство в дела следствия, воспрепятствование законной деятельности следователя или подстрекательство подозреваемого (свидетеля) к даче ложных показаний по делу. То есть предлагаемый способ – это наиболее цивилизованная форма влияния на следствие, не затрагивающая достоинство следователя и прокурора, их профессиональных качеств, самого расследуемого ими дела и не ставящая под сомнение собранный ими доказательственный материал. Ведь в данном случае адвокат предлагает лишь свое оценочное мнение по этому материалу.

Правовая же безупречность указанного способа может быть подтверждена также и тем, что он успешно применялся при разрешении конфликтов с иностранными контрагентами. Мне довелось давать правовую оценку причин спора между американской компанией и нашей страховой ценою около 500 тысяч долларов США. Ознакомившись с представленным им заключением, американцы согласились, что при такой основательной позиции страховщика перспектива судебного разбирательства этого дела вряд ли будет для них благоприятной, а потому отказались от своих требований.

ДНЕВНИК ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ

ОТМЕЧАЕМ В ИЮЛЕ

80 лет Конституции РСФСР и гибели царской семьи

10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов принял первую советскую Конституцию (Основной Закон) РСФСР, провозгласившую установление «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства». Избирать и быть избранным в органы власти мог каждый, «не пользующийся наемным трудом». Через семь дней в Екатеринбурге без суда были расстреляны Николай II, его семья и приближенные.

50 лет инвалидным коляскам

3 июля 1950 года Совмин СССР постановил выдавать инвалидам Отечественной войны «с тяжелыми поражениями нижних конечностей» бесплатно мотоколяски. С 1964 года их заменили «Запорожцами».

5 лет действующему авторскому праву

9 июля 1993 года Верховный Совет РФ принял ныне действующий закон «Об авторском праве и смежных правах». Эти права возникают в связи с созданием произведения и действуют при жизни, а также в течение 50 лет (в СССР – 25 лет) после смерти автора. За нарушение его прав автор может требовать компенсацию до 50 тыс. минимальных размеров оплаты труда.

5 лет возрожденному суду присяжных

16 июля 1993 года актами Верховного Совета РФ в Россию возвращен суд присяжных, упраздненный в 1917-м. Первый процесс состоялся в декабре того же года в Саратове.

5 лет российскому рублю

26 июля 1993 года Центральный банк РФ прекратил хождение денежных знаков советского образца (от 25 руб. и выше). Курс доллара США составлял в то время 885 рублей за доллар.

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ?

Фото Виктора ВАСЕНИНА

Елена ФРОЛОВА,
член коллегии адвокатов «Московский юридический центр»

Валерий РЯЗАНЦЕВ,
спец. корр. «Российского адвоката»

СПРАВКА. По данным МВД, в 191 следственном изоляторе (в том числе 13 тюрьмах) при лимите в 182, 4 тысячи мест содержится 274 тысячи подозреваемых, обвиняемых, осужденных. Нормы предусматривают 4 кв. метра на человека, реально бывает и 0,5. В камерах с одним унитазом и одной раковиной, рассчитанных на 25 человек,– более 100. Специальный представитель ООН в своем докладе назвал такие условия содержания заключенных пыткой.

Массовая пытка, как бы оправдываемая государственными интересами?.. Ненормальность ситуации отодвигает на второй план острейший вопрос о причинах ее возникновения перед еще более острым: «Что делать?». Срочно, безотлагательно.

Сотрудники правоохранительных органов настаивают на необходимости расширения сети пенитенциарных учреждений за счет реконструкции существующих и строительства новых. Резонно? Наверное, если учесть, что, к примеру, Бутырская тюрьма (СИЗО №2), построенная в XVIII веке, реконструировалась 100 лет назад. Не лучше положение с другими местами заключения. Но...

ИЗ ДОСЬЕ «РА». Существующая на бумаге уже не один год специальная федеральная программа строительства и реконструкции СИЗО и тюрем реально профинансирована меньше чем на 10 процентов.

Правозащитники требуют реформирования российской системы исполнения наказаний, попирающей права и свободы человека. Тоже вроде бы особых возражений нет. Недаром же еще 10 лет назад МВД, тогда СССР, начало «перестройку» этой специфической организации. Как обычно у нас бывает при реформировании – с «урезания».

ИЗ ДОСЬЕ «РА». В Сибири и на Дальнем Востоке ликвидировано 23 колонии, что позволило умень-

шить численность спецконтингента почти в 2 раза. На 28 процентов сокращено количество поднадзорных комендатур на стройках народного хозяйства.

Били, как у нас водится, не по причине, а по следствию. Резали, чтобы тут же спохватиться: снегом на голову – острая надобность в новых СИЗО, колониях, тюрьмах. Возникает она, судя по нашему собственному опыту, в годину смут и потрясений, когда власть либо предельно натягивает «вожжи», либо упускает их из рук. Сегодня ситуацию в российских местах заключения тоже проще всего объяснить причинами экономического, политического характера, вызвавшими социальный взрыв, обвальный рост преступности. Однако все и так, и не совсем.

МНЕНИЕ.* Начальник СИЗО №2 полковник внутренней службы Александр Волков*: Переполненность мест заключения во многом объясняется издержками предварительного следствия. Содержание под стражей должно применяться строго индивидуально, когда подозреваемого просто нельзя не изолировать, скажем, при обвинении в тяжких, особо тяжких преступлениях.

Об этом же говорят и многие ученые-аналитики, практики-юристы, правоведы, социологи, психологи. Они отмечают правовую неготовность нашего государства жить и действовать в новых условиях, вольность правоохранительных и правоприменительных органов в трактовке, применении законодательства, особенно мер пресечения в предварительном следствии.

Елена Фролова. Сегодня в нашей правоприменительной деятельности, пожалуй, нет более серьезной проблемы, чем вопрос о заключении под стражу до суда.

СПРАВКА. Римское процессуальное право предусматривало защиту клиента адвокатом перед претором во время предварительного следствия и перед судом. Пребывание в тюрьме на предварительном следствии в античные времена практиковались до установления вины или обычной экзекуции. В России до 1864 года чаще применялся кратковременный арест, предпочтение отдавалось залогу – под деньги, имущество.

Досудебный арест сегодня – отнюдь не экстраординарный случай, а обычная «производственная» практика, фактически не связанная с Конституцией, с заявлениями законодателя о гарантиях прав человека. Зато обеспечивающая удобства органов уголовного преследования: изолированный от общества человек не только более доступен им, он еще и унижен, подавлен – покладист.

Валерий Рязанцев. Старший следователь по особо важным делам при прокуратуре РСФСР Е. Мысловский назвал в свое время принятие в качестве доказательств только показаний, данных в судебном заседании, «гуманизацией, доведенной до абсурда». Это вызвало бурю эмоций в обществе, даже недовольство его начальства. А сейчас уже и некоторые ученые-юристы склоняются к необходимости ужесточения мер воздействия.

Е. Фролова. Знаете, когда слышишь о якобы кардинальных прогрессивных переменах в уголовной юстиции, ничего, кроме чувства неловкости за лицемерие высказывающихся, не испытываешь. Все остается, как было. Интересы обвинения превыше всего, даже государственной целесообразности. А все потому, что в случае применения других мер пресечения следствию приходится работать в очень высоком темпе. Это по силам лишь настоящим профессионалам. Следователь обязан доказать вину подозреваемого, отпущенного, в частности, под залог, иначе МВД или прокуратура будет нести материальную ответственность за то, что он не мог выполнять свои трудовые обязанности, по иску о возмещении материального и морального вреда.

Говорить же о кардинальных изменениях в законодательстве – вообще мечта несбыточная. С каким трепетом практикующие юристы ждали Постановления Конституционного суда о признании неконституционной гл.5 ст.97 УПК РСФСР! И что же? Вновь узаконена возможность тридцатимесячного нахождения под стражей на стадии предварительного следствия.

В. Рязанцев. При этом нас постоянно пытаются убедить в том, что предварительное заключение – не карательная мера, а лишь ограничение личности в действиях для более оперативного сбора доказательств, гарантия присутствия обвиняемого на всех необходимых следственных мероприятиях.

Еще аргумент – делается это в интересах потерпевших, свидетелей и... самого заключенного. Изоляция обвиняемого, дескать, избавляет причастных к делу от его давления, а его самого защищает от преследований извне. Однако и СИЗО, тюрьма, как показывает практика, не гарантируют безопасность.

МНЕНИЕ.* Старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Руслан Тамаев: *До гибели Сергея Довбыша в здании Мещанского суда в моей практике не было случаев смерти подследственных (С. Довбыш – основной свидетель по делу о многомиллиардной алмазной афере). Принимая такую меру пресечения, как содержание под стражей, мы учитывали не только тяжесть совершенного преступления, но и надеялись обезопасить Довбыша от реальной угрозы преследования. Не спасли ни стены, ни решетки, ни охрана...

Е. Фролова. Многое в таких мотивах – от лукавого. На самом же деле чаще всего срабатывают обвинительный уклон нашего следствия, неправильное понимание цели досудебного ареста. Расследование начинается, идет по накатанному, и человек, который попал в следственный изолятор, в 95 случаях из 100 оттуда до суда уже не выходит.

В. Рязанцев. Но что все-таки определяет такое отношение? Только традиции следственного произвола в нашей стране? Непрофессионализм следователей с опытом третьекурсника юрфака, о котором говорят сами руководители силовых ведомств? Несовершенство законов?..

Е. Фролова. Всего этого понемногу и плюс еще кое-что... После ожесточенных правовых баталий 1992 года, предостережений определенной части депутатов, предрекавших выход из тюрем опаснейших преступников, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР дополнен статьями 220^1 и 220^2, которые предусматривали право обжалования незаконного ареста и срока содержания под стражей.

Необходимо отдать должное последовательности и настойчивости прокуратуры и силовых министерств: им удалось исключить возможность обжалования самого главного аргумента – правомерности взятия под стражу. Проверка жалоб сводится лишь к формальной оценке законности и обоснованности ареста. Причем толкование обоснованности существенно сужено. Пункт 9 постановления Верховного суда РФ №3 «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или срока содержания под стражей» вообще лишает суд возможности входить в обсуждение вопроса о доказательствах виновности содержащегося под стражей в инкриминируемом ему преступлении.

В. Рязанцев. В таком случае кто же станет вникать в доводы защиты о слабости позиций, голословности обвинения?

Е. Фролова. Да никто, хотя именно доказательства обвинения, юридическая значимость, законность получения их и есть то главное, что должны исследовать суды при проверке применения ареста. Это то, что и должно быть названо правомерностью и обоснованностью ареста. Иначе мы будем иметь лишь юридический компромисс, слабый и неразвитый зародыш благих намерений. При действии положения, позволяющего применять арест лишь по опасности инкриминируемого деяния, это «откушенная» подачка, легкое облачко иллюзорного права, согласно которому и заключение под стражу, и продление срока его до полутора лет остаются прерогативой прокуратуры. Мало того, прокурор может ходатайствовать перед судом о продлении ареста еще на шесть месяцев для ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Однако и это не все. Если обвиняемый и его защитник будут ходатайствовать о дополнении предварительного следствия, суд сможет увеличить срок еще на полгода.

В. Рязанцев. Но Конституция гласит, что человек не может быть ограничен в свободе ничем, кроме решения суда. Значит, если в уголовном законодательстве нет нормы, предусматривающей, что только судебные органы могут применять арест и содержание под стражей на стадии предварительного следствия, они незаконны?

Е. Фролова. Я бы сказала, что на данном этапе неконституционны. Впрочем, никто ведь против предварительного заключения, как меры пресечения, не возражает. Протест, трения вызывают формы, сложившаяся у нас методика огульного ее применения. В своего рода судебной игре мы не равны с органами, выдвинувшими и поддерживающими обвинение. Мы не можем вести параллельное расследование, наши доказательства, исключающие вину подзащитного, не принимаются, не оцениваются. Более двухсот ходатайств, которые мы писали, так и не были удовлетворены. А ведь речь в них шла о совокупном рассмотрении, в соответствии с законом, всех данных о подследственных, фактическом игнорировании обвинением требований закона о сроках направления в суд материалов дела по поданным жалобам. Кстати, уже давно стало нормой 6–7 – кратное превышение этих сроков.

В. Рязанцев. Это хороший повод суду усомниться в правомерности дальнейшего пребывания обвиняемого в изоляции. Закон же обязывает трактовать сомнения в его пользу.

Е. Фролова. В идеале так. Суды же, как правило, внимают проблемам следователей, которые не представляют материалы в 24- часовой (по закону) срок.

СПРАВКА. По результатам опросов, жалобы удовлетворяются лишь в одном случае из одиннадцати в связи с непредставлением следствием доказательств, подтверждающих законность заключения под стражу.

По делу Д. , слушавшемуся в Московском городском суде, судья трижды откладывал рассмотрение жалобы, так как следователь не представил материалы. Каждый раз задержанного поднимали в 5 часов утра, держали в тесной камере «сборки», задействовали конвой, защиту... И так по кругу... Суды подчас забывают о своей роли в процессе, так и остаются робким придатком правоохранительного механизма.

В. Рязанцев. Презумпция невиновности, получается, носит больше декларативный характер, чем реально работает? Если можно арестовывать по одной лишь тяжести совершенного преступления, значит, уже в самой ранней стадии, можно сказать, законодательно закладывается предположение виновности? Так ведь?

Е. Фролова. К сожалению. Необходимы серьезнейшие демократизированные изменения психологии сотрудников всей государственной карательной системы, чтобы презумпция невиновности не стала полной своей противоположностью. Поэтому все мы с таким нетерпением ждем нового Уголовно-процессуального кодекса РФ, в котором предполагаются удачные, на мой взгляд, законодательные положения. Задержанный в течение 48 часов должен быть доставлен к судье, который принимает решение при предъявлении прокурором доказательств виновности лица, выслушиваются доводы защиты и подозреваемого, на этой стадии предъявляется и обосновывается обвинение. Срок заключения под стражу – 2 месяца, возможность ежемесячной проверки необходимости содержания под стражей с учетом новых доказательств, добытых следствием, проверка законности получения доказательств, упразднение заключения под стражу по мотивам одной лишь опасности совершаемого деяния. Максимальный срок содержания под стражей – 9 месяцев...

Будет ли принят такой проект, покажет время, а пока, как сказано в постановлении Конституционного суда, «ст.39, 40, 41 Конституции в части, касающейся санкционирования судьей применения наиболее острых мер процессуального принуждения, вступают в силу после создания организационно-технических условий и принятия соответствующих законодательных актов».

В. Рязанцев. Этакий призрак угрозы возвращения на достопамятные «круги своя»?

Е. Фролова: По пословице: «От сумы, да от тюрьмы...».

Юрий ТЕПЛОВ

АРЕСТОВАН...ЗА СХОДСТВО

Рисунок Леонида НАСЫРОВА

Шел по улице подмосковного поселка Воровского гражданин по фамилии Павлов. Заканчивался день, который значился в календаре как День милиции. Павлов в свое время работал в милиции шофером. Там же трудился его брат, а теперь служит племянник – сидит в одном кабинете с инспектором уголовного розыска. Так что отметить праздник было не грех.

В общем, был Павлов в подпитии. А у подъезда молодые «качки» с нетрезвыми оловянными глазами задирали прохожих. И очень неинтеллигентно выражались. Прохожие спешили проскочить мимо, молча глотая оскорбления. Павлов молчать не захотел. И этим сильно не понравился развлекающимся оболтусам. Не успел он опомниться, как оказался на асфальте в роли футбольного мяча. Очнулся с мыслью о возмездии. Сообщил племяннику, позвонил в отделение. «Найдем!» – услышал в ответ.

Происшествие, как казалось, не сулило никаких сложностей в розыске виновных: парни-то вроде вышли из подъезда и, как заявил потерпевший, один из них был похож на соседа. Так Павлов и написал в своем заявлении.

Выяснить личность соседа труда не составило: Алексей Можаев, восемнадцати лет от роду.

Будущий подследственный провел тот вечер у знакомой девушки. Родители ее были дома, пригласили потенциального зятя поужинать. Отужинав, Алексей распрощался и ушел домой. Там сразу лег спать. Когда проснулся, быстренько куда-то засобирался.

– Куда? – строго спросила мать.– Сначала позавтракай.

– Вернусь и позавтракаю...

Он не вернулся ни через час, ни через три, ни через восемь.

На выходе из подъезда его ждали. Не очень вежливо пригласили в машину и отвезли в город Электроугли в отделение милиции.

– Колись, Можаев! – сказали.

– Как «колись»?

– Насчет вчерашнего. Дружков назови, с которыми увечил человека, кто, откуда, где живут, заодно колись про квартирный разбой три недели назад.

– Какой разбой? Я ничего не знаю.

– Будешь играть в несознанку, хуже будет!..

Не ведаю, знал ли Можаев, что скрывается за этим «хуже будет». Хуже можно сделать по-разному: профессионально (без видимых следов) избить, заморить жаждой. Наверное, Можаев был все же наслышан о «колунах» (умельцах выбивать признание), потому что через восемь часов написал под диктовку признание: да, избивал. Ногами... Чего не смог, так это назвать подельников – он их просто не знал. И не мог описать квартирный разбой, о котором услышал лишь от работников милиции.

После этого его отпустили. Скрипучая телега правопорядка медленно покатила к Дворцу правосудия.

В любом деле свидетельские показания играют заглавную роль. Но оказалось, что почти все свидетели были людьми заинтересованными, и в первую очередь – родители.

Родительская любовь слепа, особенно материнская. Мать Алексея – женщина весьма эмоциональная – со слезами и яростью кинулась защищать сына. По прошествии времени, правда, призналась,что иногда в ее голову закрадывалась мысль: «А вдруг Алексей врет мне?» Даже сходила к популярной гадалке, чтобы та ответила на мучивший ее вопрос. Гадалка раскинула карты и вынесла свой пророческий вердикт:

– Не беспокойся, милая. Твой сын не виновен...

Девушка Алексея подтвердила, что они весь вечер провели вместе. Впрочем, таким свидетельницам тоже веры мало. Допросили и родителей девушки. Да, был у них дома, ушел во столько-то...

Но с другой стороны – Можаев-то в своем единственном объяснении признался...

Мать подозреваемого искала между тем толкового адвоката. Друзья посоветовали обратиться в юриди-

ческую консультацию «Центральная». По ее рекомендации защиту Алексея взяли на себя адвокаты Тамара Костина и позже, на второй судебной стадии, Зинаида Батракова.

Тамаре Костиной уже при знакомстве с делом стало ясно, что факты подгонялись под единственную версию: преступник – Можаев. Но ведь хулиганили то ли трое, то ли четверо, как писал потерпевший. В своих показаниях он путался. В заявлении одно, в ходе предварительного следствия – другое. Не выявлены свидетели происшествия.

Между тем ситуация подсказывала несколько версий. Известно было, что в тот злополучный вечер в одной из квартир подъезда, у которого произошел конфликт, шла гульба. Ребята допризывного возраста провожали в армию приятеля. Расслаблялись кто как умел. Как и чем могут заканчиваться такие попойки, объяснять не надо.

Ни эта, ни другие версии следствием не отрабатывались. А если и отрабатывались, то никаких следов в материалах дела не оставили.

Первый суд состоялся в городе Электроугли. Судья Жукова с редкостной дотошностью выспрашивала свидетелей, обвиняемого. Можаев, ни разу не сбившись, рассказал, как, почему и под чью диктовку он написал признание.

Потерпевшему судья задала прямой и жесткий вопрос:

– Отвечайте конкретно: обвиняемый вас бил или человек, похожий на него?

Совершенно неожиданно из уст Павлова вырвалось:

– Мне недавно подсказали, что парни были из соседнего поселка. Из Есина... И в настоящее время я не могу утверждать, что меня избил Можаев.

Взаимоотношения судов, прокуратуры, милиции и адвокатуры – тема докторской диссертации. Они, эти взаимоотношения, обусловлены целым рядом факторов, в основе которых лежат несовершенство законов, социальная нестабильность общества, в том числе и работников правоохранительных органов, и много чего другого. Обывателю не разглядеть все подводные камни и булыжники. Но то, что суд не столь уж редко выносит приговор с учетом интересов сторон, сомнению не подлежит.

К чести судьи Жуковой, она искала истину. И в соответствии со сложившимся в ходе судебного разбирательства убеждением вынесла (с учетом мнения заседателей) оправдательный приговор.

Прокурор внес протест на решение суда. Московский областной суд приговор отменил. Дело закрутилось по-новой и должно было теперь рассматриваться в районном центре – городе Ногинске.

Защиту Можаева взяла адвокат, заместитель председателя Союза юристов Москвы Зинаида Батракова.

– Трудное дело, Зинаида Александровна? – спросил я ее.

– Не столько трудное, сколько нервное. Областные судьи не любят московских адвокатов. Со своими у них спокойные отношения, многие адвокаты – «карманные». А мы – независимы, приехали – уехали. Работаем только в интересах клиента.

– Вы верили в невиновность Можаева?

– Верила. Это было ясно даже из материалов дознания. Фальсификация от «А» до «Я». Нарушений столько, что можно только удивляться, как их не заметил прокурор.

– А если бы у вас появились сомнения в невиновности подследственного?

– Все равно бы защищала. Только защиту бы по-другому строила. Такие дела у меня были, их приходится брать в силу различных обстоятельств.

– Вернемся к Можаеву. Хулиганов было, как минимум, трое...

– Вот именно. Это одна из главных неувязок обвинения. Смотрите, что происходит... 7 февраля на имя начальника Электроуглинского ГОВД майора милиции Аркалова уходит запрос-поручение за номером 69/384 об установлении лиц, участвовавших в конфликте. В ответе за подписью заместителя Аркалова говорится, что установить данные личности не представляется возможным. Датируется эта бумага опять же 7 февраля, то есть без проведения необходимой оперативной работы. Вот вам информация к размышлению...

Действительно, поразмыслить есть над чем. Представьте: сегодня вы отправляете из Москвы в Москву письмо и сегодня же адресат получает его и пишет вам ответ. Реально такое?.. Даже если представить, что запрос был отправлен нарочным, дабы убедиться, что «установить не представляется возможным», надо хотя бы попытаться «установить»... Невольно напрашивается мысль или о нежелании по каким-либо причинам исполнять поручение, или о примитивной фальсификации, когда исполнитель даже не удосужился привести в соответствие даты документов.

– Более того,– продолжала Батракова,– в отношении остальных участников конфликта выносится постановление о прекращении уголовного преследования на основании статьи 5, пункта 2, то есть за отсутствием состава преступления... И в заявлении потерпевшего, и на стадии дознания они указываются как преступники. Так выделяйте дело в отдельное производство, устанавливайте, расследуйте!.. Таковы требования Закона. Однако дознаватель Ногинского ОВД по фамилии Масюкевич решает «уголовное дело в отношении неустановленных лиц производством прекратить...»

Что же до Алексея Можаева, то в его деле адвокаты не обнаружили даже протокола очной ставки между обвиняемым и потерпевшим. Хотя было установлено, что Масюкевичем она проводилась и Павлов заявил в адрес Можаева: «Может, это и не он вовсе меня избивал...». Но на столь грубое нарушение Закона, как фальсификация и подтасовка доказательств, суд не отреагировал никак.

Дело направили на доследование. А потом на этой стадии оно и вовсе было прекращено.

Куда деваться, если нет никаких доказательств виновности?..

А отморозки, избившие бывшего работника милиции, так и не установлены. Вон сколько шатается таких по столице и по России! Не дай бог встретиться с ними на темной улице.

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации...

Вступило в силу Соглашение о формах взаимодействия Генеральной прокуратуры и Министерства юстиции в сфере надзора и контроля за ведомственным нормотворчеством, правовыми актами Российской Федерации, созданием и деятельностью общественных и религиозных объединений.
Стороны обмениваются информацией об издании незаконных правовых актов органами государственной власти субъектов Федерации, федеральными органами исполнительной власти, согласовывают мероприятия по предупреждению и пресечению незаконной деятельности общественных и религиозных объединений.

Генеральный прокурор России Юрий Скуратов обратился к министру внутренних дел РФ Сергею Степашину с письмом о необходимости принятия срочных мер для разрешения неудовлетворительной ситуации, складывающейся в следственных изоляторах из-за переполненности, ухудшения условий содержания арестованных, распространения среди них заболеваний и роста смертности.
Несмотря на предпринимаемые органами прокуратуры меры к ускорению судопроизводства, не всегда исполняются поручения о своевременной доставке арестованных для производства следственных действий и участия в судебных процессах. Конвойные службы органов внутренних дел практически повсеместно не обеспечивают оперативную отправку осужденных для отбывания наказания в колонии. Предпринимаемые руководителями ГУИН МВД России меры с целью разгрузки следственных изоляторов не всегда дают положительные результаты.

Достигнута договоренность о взаимодействии органов прокуратуры и профсоюзов в вопросах обеспечения конституционных норм о приоритете и защите прав и свобод человека и гражданина, важнейшими из которых являются права на труд, охрану труда и здоровье. Принят план совместных мероприятий на текущий год, которым, в частности, предусмотрены постоянный обмен информацией о соблюдении законности в социальной сфере, привлечение специалистов профсоюзов для проведения прокурорских проверок по вопросам исполнения законодательства о труде должностными лицами государственных и коммерческих предприятий.

Во время визита в Россию сенаторы США Гордон Смит и Оррин Хэтч интересовались позицией прокуратуры по проблемам российской организованной преступности, мерами, предпринимаемыми для борьбы с ней. Сошлись во мнении, что скорейшее заключение Соглашения о правовой помощи между Россией и США позволит создать более действенный механизм противодействия вывозу из России в Америку денег, нажитых преступным путем, и их репатриации.

Прокуратура Алтайского края совместно с полицией Королевства Нидерланды пресекла деятельность преступной группы, присвоившей 60 млрд. рублей, выделенных еще в 1995 г. федеральной продовольственной корпорацией своему алтайскому филиалу, переведенных и размещенных на счетах зарубежных банков.
Нидерландская полиция выявила около 8 млн. «алтайских» долларов США на счетах еще одного участника преступления – гражданина Германии. На его банковские счета наложен арест. Решается вопрос о возврате похищенных денег. В этом российским коллегам помогает голландский адвокат Генри Стодел.

По поручению Генеральной прокуратуры Российской Федерации прокуратурой Республики Татарстан принесены протесты на действия управления образования администрации г. Казани, издавшего приказы «О повышении квалификации педагогических кадров, ведущих образовательный процесс на татарском языке» и «О введении 15 процентов надбавки преподавателям татарских школ и детских садов». Прокуратура потребовала отменить отдельные пункты этих документов, поскольку они допускали возможность дискриминации граждан республики, не владеющих татарским языком, грубо нарушили конституционные, экономические и социальные права граждан.
Протесты прокуратуры республики рассмотрены. Приказы в части, не соответствующей законодательству, отменены.

Публикация подготовлена по материалам Центра общественных связей Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Об исках, вытекающих из деятельности обособленных подразделений юридических лиц

Президиум Высшего арбитражного суда РФ направил в суды информационное письмо №34 от 14 мая 1998 года «О рассмотрении исков, вытекающих из деятельности обособленных подразделений юридических лиц».

Такие подразделения, говорится в письме, в силу ст.22 АПК РФ могут предъявлять иск только от имени юридического лица. К исковому заявлению, подписанному руководителем обособленного подразделения, должна быть приложена доверенность (или ее копия) юридического лица, подтверждающая его полномочия на подписание искового заявления от имени юридического лица. При отсутствии такой доверенности исковое заявление возвращается без рассмотрения на основании п.2 ч.1 ст.108 АПК РФ.

Если сомнения в наличии у руководителя обособленного подразделения доверенности возникнут после принятия судом искового заявления к производству, заявителю предлагается представить соответствующие доказательства наличия такой доверенности. В случае непредставления таких доказательств иск оставляется без рассмотрения в соответствии с п.3 ст.87 АПК РФ.

Если подписанный руководителем обособленного подразделения иск предъявлен от имени этого обособленного подразделения или иск предъявлен к обособленному подразделению, а не к юридическому лицу, арбитражный суд возвращает исковое заявление. В случаях, когда такой иск принят к производству, но при рассмотрении спора установлено, что у руководителя подразделения имеются соответствующие полномочия от юридического лица на предъявление иска или на участие в арбитражном процессе от имени этого юридического лица, истцом или ответчиком по делу предлагается считать юридическое лицо и дело подлежит рассмотрению по существу с участием юридического лица. В этом случае выносится определение об отложении дела слушанием, в котором указывается о признании истцом либо ответчиком юридическое лицо. Данное определение направляется как юридическому лицу, так и обособленному подразделению.

При удовлетворении иска, предъявленного руководителем обособленного подразделения от имени юридического лица, исполнительный лист направляется юридическому лицу.

МАТЕРИНСКИЙ ПРИГОВОР

Александр ПАУЛОВ,
заведующий юридической консультацией «Самара-адвокат»

Рисунок Леонида НАСЫРОВА

Топор лежал на месте. Она нащупала его рукой и вроде успокоилась. Подошла к кровати...

На ту пору Мария Васильевна Полковникова оставалась в небольшом городке едва ли не единственной женщиной-участницей Великой Отечественной войны. Воевала она в зенитном полку с 43-го по 45-й, отмечена многими наградами. После войны родила троих сыновей. Старший погиб в автомобильной катастрофе, младший служит в армии, а средний оказался непутевым. Наркоман, алкоголик. Сидел. Когда вернулся из зоны, продолжал пить. Продавал все, что было в доме. Забирал и пропивал материнскую пенсию. Мария Васильевна даже вынуждена была продать квартиру и переехать к родственникам.

Жили очень бедно, а дозы наркотиков все увеличивались. Сын требовал деньги, настаивал на продаже и этой квартиры, на которую ни он, ни она не имели никаких прав. Озверев, избивал мать.

Жаловалась Мария Васильевна в милицию, прокуратуру, суд. Там ей сочувствовали, вызывали сына, беседовали с ним. После этого он снова бил ее.

На этот раз он завалился в дом с собутыльником. Развезло обоих быстро. Что-то сыну не понравилось, он вытащил нож, качнулся к ней со словами:

– Сегодня я буду тебя убивать, стерва.

Мария Васильевна успела выскочить на улицу. Спряталась, как бывало не единожды, у соседей. Обычно ждала, когда пьяный сын угомонится. Мышкой пробиралась к себе и сторожко дремала до утра, вздрагивая от каждого его движения. Так было и сейчас, пока в ее руках не оказался топор...

Всхлипнув, она взмахнула топорищем и ударила. Рука, видать, все же дрогнула. Он проснулся, закричал:

– Мама, что ты делаешь?!

Это было первое «мама» из его уст за последние несколько лет...

Топор взлетел над головой еще раз... Когда пришла в себя, поднялась с пола. Он лежал все так же на спине, только голова странно отодвинулась от тела. Подушки, покрывало, стены были обрызганы чем-то красно-черным...

Очнулась от стука в дверь. Соседка, увидев ее бескровное лицо, спросила:

– Что с тобой? Опять бил?

Взглянув на кровать, с криком вылетела на улицу...

Дальше все проходило как во сне: соседи, милиция, понятые, допрос, суд. Отвечала «да», «нет». И лишь несколько раз произнесла, будто в бреду:

– Он не имел права жить.

Это же до какой степени ожесточения надо довести мать, чтобы она заявила такое по отношению к собственному сыну... Прокурор г. Кинеля Сергей Вешников быстрее многих понял все и после выезда на место происшествия не стал арестовывать пожилую женщину, ограничился подпиской о невыезде.

Дело непростое. С профессиональных позиций можно вести речь и об умышленном убийстве, и о необходимой обороне. У Марии Васильевна были все основания для защиты, и сразу будь в деле квалифицированный адвокат, появлялся реальный шанс доказать, что здесь имело место превышение предела необходимой обороны. Потом возраст – 73 года, фронтовые заслуги. По всем параметрам выходило, что она могла избежать наказания, связанного с лишением свободы.

Но суд приговорил Марию Васильевну по ст. 103 УК РСФСР к трем годам лишения свободы с отбытием наказания в колонии общего режима. Ко мне как адвокату Полковникова обратилась примерно через полгода после того, как оказалась под стражей. Надзорные жалобы в Самарский областной суд дали нулевой результат: оснований для пересмотра дела и отмены приговора там не увидели. С трепетной надеждой ждали мы решения Верховного суда России, куда обратились с жалобой. В колонии Марию Васильевну всячески оберегали, старались поддержать. Но как убережешь надорванное сердце... С целым букетом болячек от гипертонии до стенокардии она угодила в больницу. Несколько раз мы встречались, говорили «за жизнь».

Я прямо спросил, как могла она, дав жизнь своему ребенку, сама же ее и отобрать?

Мария Васильевна строго посмотрела на меня:

– Потому я и стала судьей, что мать. Таким жить среди людей нельзя.

Она мечтала увидеть сына, невесток, внуков. Не дождалась встречи – не выдержало сердце... А через пару недель пришло постановление Верховного суда России о снижении наказания Полковниковой Марии Васильевне до одного года.

* * *

До сих пор не могу без волнения вспоминать эту трагическую историю. Не могу не думать о том, что возникла она не на пустом месте, а на сдобренной невниманием государства почве бытовой неустроенности, физической, социальной незащищенности простого человека. Надо-то было всего ничего – оберечь пожилую женщину от сыновнего деспотизма.

И продолжают звучать в ушах слова Марии Васильевны, произнесенные перед самой смертью, когда она на миг пришла в себя, открыла глаза:

– Никто мне не судья... Даже Бог...

Не бросили шахтеров в беде

Первым к Елене Леухиной пришел Руслан Кушнаренко. Молодой. Косая сажень в плечах. Пудовые кулаки. Адвокату с трудом верилось, что перед ней сидит официально признанный инвалид. Шесть лет он проработал забойщиком, горным мастером в Воркуте на шахте «Хальмер-Ю». Результат: три хронических болезни, утрачено 50 процентов профессиональной трудоспособности, инвалид III группы. Что привело бывшего шахтера в юридическую консультацию «Центр-консультант», представляющую в Курске коллегию адвокатов «Мосюрцентр»? Можно ответить кратко так: беда и несправедливость.

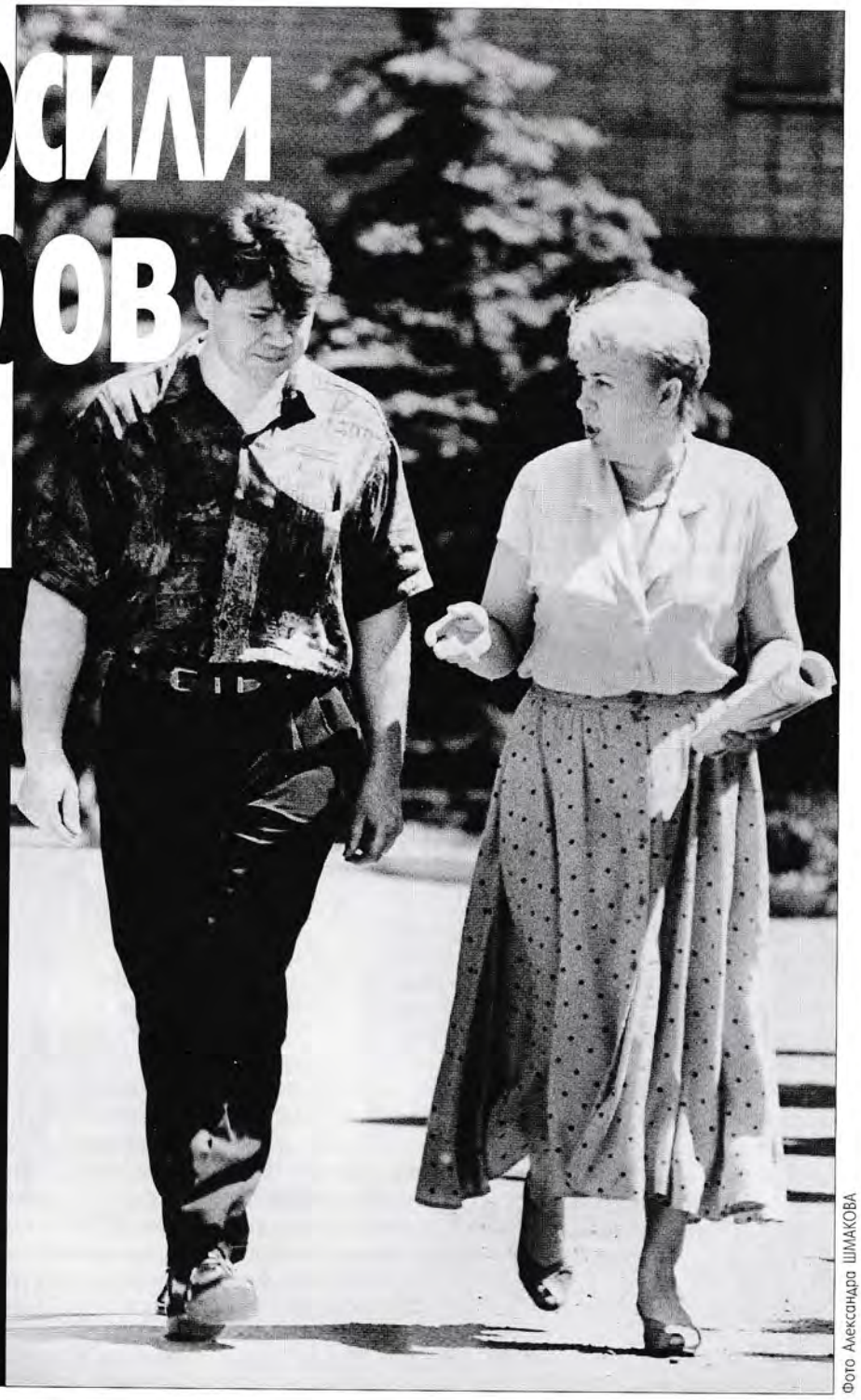


Фото Александра ШМАКОВА

Шахта «Хальмер-Ю» была в Воркуте самой старой, самой немеханизированной, самой вредной по условиям труда.

Несколько лет назад было принято решение ее закрыть. Тысячу шахтерских семей расселили по разным городам России. Около ста из них переехали в Курск. Так здесь оказался и Руслан Кушнаренко с женой и дочкой.

Почти все бывшие горняки имеют профзаболевания. Им ежемесячно выплачивается определенная денежная сумма в качестве возмещения вреда, причиненного здоровью. Но вот в Курск стали доходить сведения, что воркутинские чиновники неправильно сделали расчеты этих сумм, занизив их. И на много. На несколько сот «новых» рублей в месяц. Кто-то из живущих в других городах через суд добился перерасчета.

Вот и Руслан решил поискать ясности, а, если будет нужно, то и помощи у адвокатов. Ему посоветовали обратиться к Елене Леухиной. Несколько лет она проработала инспектором по труду в областном совете проф-

союзов. Как юрист визировала документы, готовила приказы о возмещении ущерба при профзаболеваниях, несчастных случаях на производстве. Познакомилась с нормативной базой в этой области. Сама делала расчеты...

Елена Леухина взялась помочь Кушнаренко.

Самое сложное было рассчитать и обосновать сумму иска. Опущу методику этих расчетов. Интересующиеся могут непосредственно обратиться к адвокату. Они получат подробное разъяснение. А я приведу лишь выводы, к которым пришла Леухина:

– ежемесячная денежная выплата в качестве возмещения вреда здоровью занижена на 360 тысяч рублей (все цифры даны в неденоминированных рублях);

– недоплата единовременного пособия составила 8,8 миллиона рублей;

– недоплата материальной помощи также превысила 8 миллионов рублей;

– пеня за задержки выплаты составила почти 6,5 миллиона рублей.

Моральный вред, нанесенный Кушнаренко, был оценен адвокатом и истцом в 100 миллионов рублей. Обоснование этой суммы заняло в исковом заявлении страницу убористого текста. Забегая вперед, могу сказать: суд снизил эту цифру до 70 миллионов рублей, признав все остальные претензии правомочными.

Сделав расчеты, подготовив исковое заявление, адвокат добилась, чтобы иск рассматривался в одном из судов города Курска. Для этого нужно было получить банковские реквизиты ликвидационной комиссии шахты «Хальмер-Ю». Леухина обратилась за помощью к независимому профсоюзу шахтеров в Коми. Ответ прислали телеграммой. Дорога в суд была открыта.

Имелась существенная причина, почему Кушнаренко и адвокат не хотели, чтобы иск рассматривал суд Воркуты. Там, мягко говоря, не так внимательно относились к заявлениям и просьбам бывших шахтеров. Моральный вред, который компенсируется раз в жизни, в Воркуте оценивали в 5–6 миллионов рублей. Видимо, сказывалась близость властных шахтерских структур.

Дело Кушнаренко получило огласку в среде бывших горняков Воркуты, поселившихся в Курске. К Елене Леухиной пошли за помощью люди.

Ответчик не опротестовал ни одного решения курских судов. По одному из них он обязан выплатить инвалиду II группы Владимиру Кузнецову пеню в сумме свыше 20 миллионов рублей. Ветерану шахты, проработавшему на ней почти четверть века Петру Новикову ответчик должен выплатить около 150 миллионов рублей.

Но как часто бывает сегодня в нашей стране: решение судов не выполняется. Бывшие горняки не получили из Воркуты ни копейки. И на этом этапе их борьбы за свои права адвокат рядом с ними.

– Исполнительное производство в нашей стране несовершенно,– заметила Елена Константиновна.– Однако используя имеющиеся правовые нормы, можно руководителя организации – ответчика заставить сполна рассчитаться с истцами. Адвокаты хорошо знают, как этого добиться: исполнительные листы – денежные начеты – возбуждение уголовного дела.

Как обычному гражданину, не искушенному в юридических тонкостях, пройти весь путь от решения суда до его исполнения? Нужен поводырь и советчик. Вот эту роль и исполняет Леухина. Так, Руслану Кушнаренко она подсказывает, какой очередной шаг тот должен сделать, с каким текстом к кому обратиться. Она не сомневается, что цель будет достигнута. Деньги бывшие шахтеры получат.

Восстанавливая справедливость в отношении бывших горняков, Елена Леухина столкнулась еще с одной проблемой. Назовем ее квартирной. В связи с ликвидацией шахты «Хальмер-Ю» правительство РФ приняло постановление №1351 от 25 ноября 1993 года.

По нему каждая семья получала компенсацию, равную стоимости квартиры в том городе, который был выбран для постоянного проживания. Деньгами распоряжалось АО «СП Союз северных городов». Оно заключило в октябре 1994 года договор о долевом участии в строительстве жилья с курским акционерным обществом «Детальстроймонтаж».

Договор обязывал курскую организацию передать квартиры в собственность семьям горняков. Прошло почти четыре года, а воз и ныне там. С трудом, с большими задержками удалось прибывшим из Воркуты получить постоянную прописку, без которой нельзя найти работу, иметь нормальное медицинское обслуживание, обратиться за помощью в службу занятости. БТИ города Курска на запрос адвоката официально сообщило, что квартиры, строительство которых финансировало АО «СП Союз северных городов», находятся в собственности ЗАО «Детальстроймонтаж».

– Мы не можем ни дарить, ни завещать, ни продавать, ни даже обменивать свои квартиры,– жаловались адвокату бывшие горняки.– Вроде бы мы и не россияне. И прав у нас на приватизацию жилья, как у других граждан, нет.

Елена Константиновна не могла не вмешаться. Исковые заявления первых десяти бывших шахтеров о признании права собственности на квартиры рассмотрел суд Промышленного района города Курска. Он признал их требования законными. Были устранены препятствия на пути приватизации жилья.

Я встретился в Курске с Русланом Кушнаренко, другими бывшими воркутинцами. Живется им на новом месте не легко. Главная беда – нет работы. Городское хозяйство в упадке. Заводы простаивают. Зарплаты небольшие. Руслану, можно сказать, еще повезло. Недавно он нашел постоянную работу: на складе одной коммерческой фирмы. Все, с кем мне пришлось встретиться и побеседовать, говорили о Елене Леухиной с уважением, теплотой и сердечностью.

Руслан попросил особо отметить: Леухина, учитывая трудное материальное положение большинства бывших горняков, до минимума снизила свой гонорар, хотя, кроме гонорара, у нее, как и у всех ее коллег, источника доходов нет. Больше того, она согласилась повременить с окончательным расчетом. До поступления денег из Воркуты...

Валентин ШАРОВ,
спец. корр. «Российского адвоката»
Курск – Москва

На снимке: адвокат Елена Леухина и бывший шахтер Руслан Кушнаренко

Рисует Владимир СТУПИН

ДНЕВНИК ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ

ОТМЕЧАЕМ В АВГУСТЕ

80 лет без городской недвижимости

20 августа 1918 года декретом ВЦИК отменено право частной собственности на недвижимость в городах. Это касалось всех земельных участков, а также строений стоимостью выше установленной нормы.

50 лет торговле домами

28 августа 1948 года указом Президиума ВС СССР установлен порядок купли-продажи жилых домов. Разрешалось покупать дом в 1–2 этажа объемом до 5 комнат. При этом у покупателя и его семьи не должно оказаться 2 или более жилых строений. В течение трех лет можно было продать только одно строение.

60 лет гражданству СССР

19 августа 1938 года принят закон «О гражданстве Союза ССР». Он предусматривал право властей лишить гражданина гражданства.

45 лет «закону Маленкова»

8 августа 1953 года в СССР принят закон о сельхозналоге, известный как «закон Маленкова». Во изменение прежних порядков, когда налог зависел от числа грядок, плодовых кустов и деревьев, отныне он исчислялся от размера земельного участка: для колхозников – 8,5 руб. с сотки, для единоличников – 17 руб., рабочим и служащим предоставлялись льготы.

5 лет Основам об охране труда

6 августа 1993 года в России приняты Основы законодательства об охране труда. Работник вправе знать, чем ему грозит производство. Работодатель обязан возместить вред, причиненный здоровью работника.

Геннадий ШАРОВ,
член Московской городской коллегии адвокатов, кандидат юридических наук

УРОКИ ОДНОГО КОНФЛИКТА

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Адвокаты Геннадий Шаров и Ольга Истомина готовятся к заседанию арбитражного суда

Не секрет, что зарубежные инвесторы с опаской идут на наш рынок, выжидают, присматриваются. Свою позицию они объясняют так: в России еще не сложилась правовая база, которая бы надежно защищала их права и интересы, а потому риск неудачи, крупных финансовых потерь слишком велик. Я бы согласился с такими суждениями, правда, с одной существенной оговоркой. И в нынешних условиях можно успешно и эффективно вести в российских судах защиту иностранных инвестиций и инвесторов.

Мы избрали для себя такую специализацию пять лет назад. В Международном коммерческом арбитражном суде (МКАС) при Торгово-промышленной палате РФ провели около десяти дел. О последнем из них, в котором мы выступали на стороне норвежской фирмы «Бьорн», я расскажу подробнее, поскольку оно, как мне кажется, поучительно во многих отношениях. Но прежде одно отступление.

Защите зарубежных инвестиций предшествовал период нашего активного участия в международных торговых спорах. Он дал бесценный опыт, знания, подготовил к решению более сложных задач. В частности, большой отклик в российской и скандинавской прессе получило разрешение конфликта между норвежской фирмой «Саугбрюкфоренинген» и российским АО «Экспортлес». Мы представляли в суде интересы норвежской фирмы. За поставленную в Россию целлюлозу она не получила от «Экспортлеса» около семи миллионов американских долларов.

Мне и моим коллегам по консультации не только удалось выиграть дело, но и пришлось впервые пройти весь путь принудительного взыскания. Руководство «Экспортлеса» отказывалось сообщить номера валютных счетов, названия банков, где они были открыты. Мы преодолели это препятствие. По нашей инициативе Киевский районный суд Москвы наложил арест на валютные счета ответчика в пяти столичных банках. «Экспортлес» безуспешно обжаловал это решение в Мосгорсуд. В результате норвежская фирма получила деньги сполна.

В другой раз мы защищали интересы клиента из одной ближневосточной страны (по просьбе клиента не привожу название фирмы). В его пользу с российских фирм было взыскано 25 миллионов американских долларов. Участие в торговых спорах показало, что мы вступаем в область гражданско-правовых отношений, для которой характерен громадный массив документации, законодательных актов. Защита зарубежного предпринимателя требует знаний международного права, нормативных актов страны его пребывания. Адвокату-одиночке это не под силу.

В юридической консультации, объединяющей, кстати говоря, 54 адвоката, возникли так называемые партнерские группы. Многим коллегам пришлось переучиваться, повышать свою квалификацию. Так, Ольга Истомина, с которой мы вместе провели несколько сложных дел, стажировалась в Парижской коллегии адвокатов, свободно владеет французским. Наша помощница Елена Шарова знает английский язык, без отрыва от работы заканчивает Британский банковско-финансовый колледж.

Стремимся в полной мере использовать преимущества, которое нам дает членство в Международном сообществе адвокатов – International Grouping of Lawyers (IGL). В этой организации, как и было задумано при ее учреждении, от каждой страны представлена, как правило, лишь одна адвокатская структура. От России – это наша юрконсультация №11 МГКА.

Входящие в IGL адвокатские фирмы и бюро (около 50 из 40 стран) имеют возможность обмениваться информацией, получать консультации по различным вопросам законодательства той или иной страны.

...Конфликт, в который была вовлечена фирма «Бьорн» и который МКАС разрешил в пользу нашего клиента, тлел и разгорался несколько лет. Вот краткая предыстория его.

В ноябре 1990 года было создано совместное российско-норвежское предприятие с громким и многообещающим названием «Росснор». Впервые предприимчивые люди двух стран объединяли усилия для совместного производства – в дан-

ном случае для выпуска современных деревянных домов. Позже эту программу заменили, начали изготавливать двери и оконные блоки европейского качества.

Цеха размещались в Архангельской области, где запасов прекрасной древесины на десятки, если не на сотни таких предприятий, как «Росснор». Норвежская сторона – фирма «Бьорн» – поставила станки и оборудование, технологию, российская – передала земельный участок, здание, недостроенный фундамент нового корпуса. Доли в уставном капитале стороны поделили пополам: то, что никто не имел преимущества хотя бы в один голос, считалось в то время высшим проявлением дружбы и доверия. Поделили должности. Председателем правления стал норвежский гражданин, генеральным директором СП – российский.

Начались нелегкие будни. Проходил месяц за месяцем, а предприятие не могло достичь объемов производства, намеченных сторонами. Работало себе в убыток. 11 ноября 1993 года все участники СП выразили желание заменить генерального директора – место российского представителя занял норвежский.

И вот, когда дела пошли на улучшение, случилось непредвиденное. 29 декабря 1994 года, когда генеральный директор СП выехал домой в Норвегию на рождественские праздники, российские участники СП незаконно освободили его от должности. Предприятие опять возглавил гражданин России. Дважды Архангельский областной суд восстанавливал норвежского представителя в должности генерального директора. Но того «пикетчики» не допускали на территорию завода.

Стало ясно, что участники СП полностью утратили взаимное доверие. 20 апреля 1995 года стороны подписали Протокол о намерениях. Документ отражал согласие прекратить совместную деятельность. Предлагался механизм выкупа долей. Первой такое право было предоставлено российской стороне. Был назван крайний срок выкупа. Он несколько раз отодвигался, но миллиона долларов у россиян так и не нашлось. Право выкупа перешло к норвежской стороне. Но что для российских партнеров по СП совместно принятый протокол? Ничто. И сами не выкупают, и норвежцам не позволяют это сделать. Фирма «Бьорн» через норвежского адвоката Гуннара Нердрума обратилась к нам за помощью...

Опыт показывает, что вступлению в такие дела предшествует большая подготовительная работа. Прежде чем ответить согласием или отказом, мы в предварительном порядке изучаем документы, встречаемся с представителями будущего клиента, уточняем его требования, оцениваем, насколько эти требования согласуются с российским законодательством. Если шансов на положительный исход дела нет, мы не принимаем на себя поручение. Бессмысленно и безнравственно ради своего заработка вводить клиента в расход. Это, по нашему убеждению,– на грани мошенничества.

Чем глубже мы погружались в обстоятельства дела фирмы «Бьорн», тем яснее становилось: наша правовая позиция может стать достаточно убедительной и обеспечить положительный исход. Мы понимали, что наличие правовой позиции не означает, что дело будет непременно выиграно. У другой стороны тоже есть позиция. Не всегда она известна. Когда в ходе процесса скрестятся адвокатские шпаги, могут открыться новые обстоятельства, документы, факты. Тогда и обнаружится, кто более основательно понял ситуации, более точно оценил перспективу. Процесс – это поединок, это творчество. Тем и прекрасна наша профессия.

Итак, мы взялись представлять интересы фирмы «Бьорн» в арбитражном суде. Ответчиками выступали две архангельские организации – АО «Архангельскгражданреконструкция» и ТОО «Торо».

Из своей практики мы знаем, что как бы много ни было документов (а в деле «Бьорн» они составили три тома), среди них есть два-три «ключевых». От их понимания, толкования зависит окончательное решение суда. Так было и на этот раз.

26 января 1996 года норвежская фирма «Бьорн» обратилась в МКАС с иском к двум выше названным архангельским фирмам. Цена иска составила более 700 тысяч долларов США.

Надо отдать должное нашим оппонентам из Архангельска. Не имея никаких шансов опровергнуть излагаемые в исковом заявлении доводы по существу, они проявили блестящие способности по части затягивания процесса.

Первое столкновение произошло по поводу арбитражной оговорки. Так случилось, что в русском и английском текстах учредительных документов эта оговорка изложена в разных редакциях. И нигде МКАС как место разрешения споров не был назван правильно. Больше того, в русском тексте говорится об арбитражном суде при Московской ТПП, хотя Московская палата возникла через год, а суд при ней – через три года после образования совместного предприятия. Ясно, что стороны имели в виду единственный суд, который был в Москве в 1990 году,– МКАС.

Ожесточенная полемика и борьба развернулись вокруг еще одного ключевого документа – Протокола о намерениях. Наши оппоненты очень хотели, чтобы к нему относились как к документу, который не обязателен для исполнения. Мы тщательно проанализировали протокол и пришли к выводу, что название не определяет его сущность. По правовой сути это – договор, в котором есть все необходимые элементы, предусмотренные статьей 432 Гражданского кодекса РФ. Соглашение между сторонами заключено в письменной форме. Достигнуто согласие о существенных условиях договора: определен его предмет, указана цена, определен механизм выкупа доли. МКАС согласился с нашей точкой зрения.

Оппоненты попытались доказать, что норвежская сторона представила не надлежащим образом оформленную гарантию выполнения фирмой «Бьорн» своих обязательств, которую выдал крупнейший банк страны (Ден Норске Банк). Под сомнение были поставлены правильность оформления искового заявления (нет-де подписи истца), доверенности на право представлять интересы фирмы в суде, выданной мне истцом. Однако при внимательном анализе, учете особенностей норвежского законодательства вопрос о процессуальных нарушениях, поднятый ответчиками, отпал само собой.

Наши оппоненты подчас прибегали к откровенной демагогии. Они, например, просили суд принять во внимание, что «иностранцы захватывают естественные и промышленные ресурсы России в ущерб ее гражданам». В ответ мы заявили: если страна открывается для иностранных инвестиций, то это подразумевает, что инвесторы имеют одинаковые с российскими партнерами права на защиту своих законных интересов в суде.

Иногда нам говорят: защищая иностранных торговых партнеров, инвесторов, вы наносите ущерб своей стране. Разве бы нам не пригодились те доллары, которые не без вашего участия по решению суда перечисляются за рубеж? Я на это отвечаю: чем лучше зарубежные бизнесмены будут знать, что в нашей стране они получат квалифицированную и надежную юридическую помощь и защиту, тем больше их придет со своими капиталами на российские экономические просторы.

Сергей РОДИОНОВ

СТАТУС-КВО

Рассказ

Рисунок Леонида НАСЫРОВА

День выдался ясным, сухим, и радикулит, мучивший Анну Сергеевну всю последнюю дождливую неделю, наконец отпустил. Еще ночью сквозь сон она чувствовала противную ломоту в пояснице, а проснувшись от яркого солнечного света, вдруг поняла – все мучения позади. На всякий случай очень осторожно шевельнула ногой, затаив дыханье, повернулась на бок и убедилась – боли и след простыл. Она блаженно улыбнулась, и ставшую за эти дни уже привычной гримасу страдания на ее миловидном лице сменило выражение счастья и покоя.

Да, славным обещал быть этот солнечный денек! Предстояло всего одно гражданское дело о разводе – несложное, поскольку речь не шла о разделе имущества. Спор мог возникнуть только по поводу ребенка – подростка 13 лет, но тут все заранее было предрешено в пользу ее клиентки.

Правда, ответчик оказался крепким орешком. Кажется, он работает врачом на «скорой»: вчера явился в суд на собеседование с белым халатом под мышкой. Вид несчастный, но решительный. На развод не согласился, говорил, что не позволит ранить психику ребенка, употреблял какие-то медицинские термины.

Наивный парень! Решил пободаться с дубом... Не знает, что в споре о детях суд всегда на стороне матери. Так уж повелось, так оно и будет. Уж тут она постарается. За успешный исход дела она получит 300 долларов. И очень кстати. Можно будет купить, наконец, пояс от радикулита, который рекомендовал ей невропатолог и который она никак не удосужится приобрести, потому что в период обострения профилактические средства ни к чему, а когда отпускает, веришь, что больше это не повторится. К тому же пояс довольно дорогой, а у нее в последнее время туговато с деньгами, и все из-за этого проклятого радикулита.

Из-за него она была вынуждены оставить свой конек – уголовную практику (пребывание в сырых тюремных казематах на пользу не шло) и переключиться на гражданские дела. Трудно было сразу обзавестись новой клиентурой, но постепенно «процесс пошел». Последняя клиентка обратилась к ней через своего отца, известного писателя, по рекомендации, и это было хорошим признаком, так как свидетельствовало, что ее знают и в элитарных сферах.

Да и сама клиентка тоже не из простых смертных – драматург. В 35 лет она дебютировала и сразу триумфально. За какие-нибудь полгода ее имя прогремело – во МХАТе поставили ее пьесу о Екатерине II, написанную на основе дневников императрицы и многотомника одного русского беллетриста.

По-видимому, с этим обстоятельством и были связаны перемены в ее личной жизни. Познакомившись с театральной богемой и быстро усвоив ее нравы, она сошлась то ли с режиссером, то ли с актером и теперь добивалась развода с законным мужем – развода формального, без материальных претензий, но с условием оставить за собой ребенка. Дело к сложным не отнесешь. Этим и предстояло сегодня заняться Анне Сергеевне.

Можно было еще понежиться, но она поднялась с постели, сделала зарядку и направилась в душ – приятно было после недельной скованности разогнать кровь. Потом с аппетитом позавтракала, привела себя в порядок и отправилась в юридическую консультацию. Накануне ответчик потребовал переделать текст искового заявления, и она в угоду ему согласилась, назначив эту процедуру на сегодня. А теперь шла и думала, что кроется за его стремлением изменить шаблонные формулировки: судьи давно уже не придают значения причи-

нам супружеского разлада. Она прикидывала так и эдак и, наконец, пришла к выводу – ничего, кроме упрямства, оскорбленного самолюбия и полного непонимания вопроса, за этим не стоит.

И еще она подумала, что брак этот изначально был обречен. Ее клиентка – человек творческий. У нее артистическая фамилия Флейто, хотя, возможно, это и псевдоним. Он – докторишка со «скорой» с фамилией Тютькин – ясно, что не псевдоним. Наверняка не гнушается поборами с больных. Клиентка рассказывала, когда он застал ее в постели с соперником, то матерился, как сапожник. Настоящий мужлан, хотя внешне весьма симпатичный. Она же, напротив, некрасива – разбитная такая бабенка с вульгарными манерами. Странно, что пишет о царедворцах, ей бы деревенскую прозу кропать. Хотя обстоятельства порой вынуждают человека заниматься не своим делом. Вот как саму Анну Сергеевну, например...

С этой мыслью она и вошла в консультацию, где ее уже ждали. Как и накануне, клиентка явилась в сопровождении отца. Они держались вместе, а ответчик – особняком. Завидев Анну Сергеевну, отец клиентки учтиво расшаркался и принялся упражняться в красноречии. Он вообще был словоохотлив – сразу видно, что литератор. Правда, ее покоробило, когда он задал ей совершенно посторонний вопрос насчет возможности переоформления гаража. Это не входило в условия договора, к тому же выглядело неделикатно по отношению к зятю. Не все понимают, что судьба человека и судьба гаража – вещи несоизмеримые.

Анна Сергеевна это хорошо понимала. Тем не менее она ему ответила, и тот ответ занес себе в блокнот – настоящий писатель, у которого авторучка всегда при себе. Записал и был таков. Оставшиеся прошли в отдельную комнатку и приступили к делу. Лишившись поддержки отца, истица оробела. Ответчик, напротив, сохранял редкое самообладание, и Анна Сергеевна невольно залюбовалась им. Он держался с достоинством, был обаятелен и остроумен. Например, формулировку «халатное отношение к семейным обязанностям» он согласился оставить, объяснив это тем, что в суде она может быть расценена как то, что он в белом медицинском халате всю жизнь горбатился на благо семьи.

И еще он, похоже, хороший врач. Когда Анна Сергеевна по привычке осторожно присаживалась за стол или вставала из-за него, опасаясь боли в пояснице, он сказал: «У вас, по всей видимости, радикулит. Советую приобрести пояс из овечьей шерсти. Здорово помогает». Анна Сергеевна внутренне усмехнулась – пусть он и хороший врач, но она, слава Богу, не нуждается в нем. А вот клиентке она нужна. И за услуги получит гонорар.

Так все и вышло. Анна Сергеевна вовремя удержала клиентку от опрометчивого шага, когда та под напором бывшего мужа согласилась в заявлении признать свою вину. Адвокату вдруг показалось, не добивается ли врач отступного. Промелькнула ревнивая мысль, что этот хапуга со «скорой» может запросто нажиться там, где она умом и старанием честно отрабатывает свой хлеб. Она припугнула ответчика алиментами, тот еще немного поартачился, но, наконец, сдался.

Через два дня в его отсутствие развод состоялся. Правда, отец клиентки попытался выудить у нее консультацию по наследственному праву, но она ловко затянула разговор, а потом, когда расчеты все закончились, довольно резко объяснила, что этот вопрос требует отдельного обсуждения. На этом они расстались...

Через неделю снова полил дождь, и Анну Сергеевну опять скрутило. Она лежала в какой-то причудливой позе, стиснув зубы, и горько плакала. Таблетки не помогали. К ночи стало еще хуже. Казалось, все тело ее превратилось в один обнаженный, раздираемый болью нерв. Не в силах больше терпеть эту муку, она с трудом дотянулась до телефона и набрала «03». Вскоре раздался звонок в дверь. Превозмогая боль, Анна Сергеевна кое-как проковыляла в прихожую, на ощупь открыла дверь, поспешила вернуться в комнату и рухнула в постель. Сквозь пелену, застилавшую глаза, она видела силуэт человека в белом халате. Тот прошел в комнату и, водрузив на стол медицинский ящик, остановился перед кроватью.

– Доктор, я умираю,– прошептала она.– Помогите.

– У вас всего лишь банальный радикулит,– ответил ей ровный спокойный голос.– В таких случаях лечение в основном профилактическое. Прекрасно помогает специальный пояс из овечьей шерсти. Он продается в аптеках.

– Я все это знаю, но боль адская. Сделайте мне, пожалуйста, укол.

– У нас есть обезболивающие средства, но мы применяем их в других случаях – при инфарктах, открытых переломах...

– Доктор, я вас умоляю! В виде исключения. Помогите!

– Никаких исключений быть не может. Я вам повторяю...

Он продолжал монотонно бубнить, перечисляя пункты каких-то ведомственных инструкций, потом взял свой ящик и направился к двери.

– Доктор, ради всего святого! Сделайте укол! Я вам заплачу.

Ей показалось, что он замешкался. И чтобы не упустить этот последний шанс, она почти что прокричала:

– Сколько я вам должна?

– А сколько вы получили за развод истицы Флейто с ответчиком Тютькиным?

Вопрос был настолько неожиданным,что Анна Сергеевна вздрогнула. Пелена рассеялась, и она увидала перед собой ответчика по делу, которое неделю назад она завершила, получив за это 300 долларов. Он смотрел на нее и лукаво улыбался.

– Триста долларов,– тихо промолвила она.

– Вот именно столько вы мне и должны.

Анна Сергеевна взяла портмоне, достала из него 300 долларов и отдала доктору. Он сделал ей укол, и она уснула с сознанием своей правоты в том, что доктор Тютькин действительно оказался вымогателем.

Когда она проснулась, боли не было. Разбудил ее телефонный звонок.

– Анна Сергеевна! – услыхала она в трубке голос своей недавней клиентки.– Я сейчас обнаружила в почтовом ящике конверт от вашего имени и в нем – 300 долларов. С каких это пор услуги адвокатов стали бесплатными?

– С тех пор, как стали платными медицинские,– ответила Анна Сергеевна сухо.

– Не поняла.

– И вряд ли поймете. Если захотите вернуть, то вместо денег пришлите мне лучше пояс от радикулита,– Анна Сергеевна положила трубку.

С тех пор делами о разводе Анна Сергеевна больше не занималась. Она опять вернулась к уголовной практике, ходила по тюрьмам, часами просиживая в сырых помещениях. Странно, но радикулит никогда больше ее не беспокоил, хотя ни денег, ни пояса от той клиентки она так и не получила.

«Походатайствуйте

Я, Голубев Валерий, в 1988 году зверски убил свою жену Веру, вину свою признаю полностью, я уже отбыл наказание 9 лет, год назад писал прошение о помиловании, пришел отказ, в этом году еще раз написал, прошение отправили. Моя мама со своей стороны отправила свое прошение о моем помиловании, все справки с больницы, из поселкового совета. Прошу ваш журнал, если возможно, походатайствуйте за меня, грешного, у меня осталась одна мать, ей 69 лет, она инвалид II группы, очень плохо передвигается, у нее свой дом, хозяйство. Взять ее к себе некому. Все справки мама выслала в администрацию Президента России в отдел о помиловании. Прошу вас, помогите, я надеюсь на вашу помощь.

В. Голубев, ОД 1/4, г. Вязники

К сожалению, редакция журнала никаким иным способом не может повлиять на исход данного дела, кроме как опубликовать это письмо. Поскольку осуществление акта помилования является исключительной прерогативой Президента РФ, только он может принять окончательное решение.

В то же время, поскольку приговор уже вступил в законную силу, он может быть пересмотрен в порядке надзора. В соответствии со статьей 371 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР пересмотр в порядке надзора вступившего в законную силу приговора допускается лишь по протесту того прокурора, председателя суда и их заместителей, которым это право предоставлено законодательством. В вашем случае такими лицами являются председатель Владимирского областного суда и прокурор Владимирской области. На их имя вы можете обратиться с жалобой на указанные нарушения и просьбой о пересмотре дела. Также правом принесения протеста на приговор любого суда Российской Федерации наделены Генеральный прокурор РФ, председатель Верховного суда РФ и их заместители, однако по сложившейся практике для того, чтобы жалоба была рассмотрена Верховным судом РФ, она предварительно должна быть рассмотрена по существу в нижестоящем суде.

Также при наличии оснований, указанных в статье 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (отбытие не менее трех четвертей срока наказания), к вам может быть применено условно-досрочное освобождение, вопрос о котором решается судом по месту отбывания наказания.

По малолетству я совершил преступление и был осужден. После отбытия срока решил жить по-новому, поступил работать на завод, женился на хорошей девушке. Сейчас мы ждем ребенка. Жилья у нас не было, и все это время мы проживали в семейном общежитии от завода. Потом завод поставил меня на очередь, и сейчас мне должны выдать ордер на получение квартиры. Однако незадолго до того, как нужно было получать ордер, я был снова арестован. Сейчас нахожусь в следственном изоляторе. Моей жене сказали, что поскольку квартира выделена мне, только я сам и должен прийти за ордером. Но я не могу этого сейчас сделать. Денег у меня нет, адвоката нанять не на что. Посоветуйте, как можно поступить в этом случае.

А. Борисов, ИЗ 48/1, г. Москва

В соответствии с пунктом 49 Примерных правил учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления жилых помещений в РСФСР, утвержденных постановлением Совета Министров РСФСР от 31 июля 1984 г. № 35 (с изменениями и дополнениями на 28 февраля 1996 года), ордер выдается непосредственно гражданину, которому предоставляется жилое помещение, или, в исключительных случаях, другому лицу по доверенности, удостоверенной в установленном порядке. Таким образом ордер может быть выдан вашей жене по доверенности.

Однако при получении ордера должны быть предъявлены паспорта (свидетельства о рождении) или другие заменяющие их документы на всех членов семьи, подлежащих включению в ордер, а также письменное согласие всех совершеннолетних членов семьи на переселение в предоставленное жилое помещение. Это может вызвать затруднения, поскольку ваш паспорт, видимо, приобщен к делу и находится в распоряжении правоохранительных органов.

Для наилучшей защиты ваших интересов вам необходимо заключить соглашение с квалифицированным адвокатом, что вы можете сделать, обратившись с заявлением в юридическую консультацию по месту содержания под стражей. Что ка-

В данный момент я отбываю наказание на территории Курской области, однако родился и вырос на Украине, там же был дважды судим. В Россию я приехал в 1988 году, на Украине выписался, и сейчас я без гражданства. Я слышал, что вышло постановление, в связи с развалом СССР, кто был ранее судим на Украине и попал в Россию, те судимости не считаются. Прошу вас сообщить, есть ли такое постановление и как оно гласит.

А. Исаченков, ИЗ 55/1 г. Орел

В соответствии с Конвенцией стран СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в Минске 22 января 1993 года, каждая из Договаривающихся Сторон предоставляет другим Договаривающимся Сторонам бесплатно по их просьбе сведения о судимости лиц, осужденных ранее ее судами, если эти лица привлекаются к уголовной ответственности на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны. Таким образом, судимости признаются всеми государствами – членами СНГ. Однако если судимость у вас уже погашена, это не должно иметь для вас каких-либо правовых последствий.

Перевод осужденных из одних условий отбывания наказания в другие производится по решению комиссии исправительного учреждения (статья 87 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Действия комиссии могут быть обжалованы в Орловскую областную прокуратуру либо в Орловский областной суд в соответствии с законом Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 апреля 1993 г.

сается вашего тяжелого материального положения, не позволяющего вам оплатить услуги адвоката, Положением об адвокатуре предусматриваются случаи оказания гражданам бесплатной юридической помощи. Президиум коллегии адвокатов или заведующий юридической консультацией вправе освободить клиента от оплаты юридической помощи полностью или частично с учетом его имущественного положения или по другим соображениям. В этих случаях все расходы по оказанию юридической помощи принимает на себя коллегия адвокатов.

Написать это письмо меня побудило несогласие с приговором. Из него ясно, что я был арестован 13 июня 1992 года и осужден на 4 года лишения свободы. Соответственно и освободиться должен в 1996 году 13 июня. Но в 1995 году мне был разрешен отпуск с выездом на родину, из которого я не вернулся, да впридачу совершил новое преступление. В результате мне дали еще 8 лет и начало срока начинается по-новому, то есть с 8 января 1996 года. И в этот же срок входит 6 месяцев от предыдущего. Но, судя по всему, новое преступление я совершил, еще не отбыв прежнее наказание. Не правильно ли будет начало срока исчислять с 13 июня 1992 года? И тогда общий срок будет 11 лет 6 месяцев и конец срока 8 января 2004 года.

В. Бутусов, ВН 83/12, г. Рыбинск

В соответствии со статьей 70 Уголовного кодекса Российской Федерации при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда. Неотбытым наказанием в данном случае являются часть реального лишения свободы, которая осталась к отбытию на момент задержания лица и взятия его под стражу за совершение нового преступления. Таким образом, в новом приговоре указывается срок отбывания наказания применительно к тому преступлению, за совершение которого и назначается наказание данным приговором. Поскольку согласно статье 72 УК РФ в срок лишения свободы засчитывается время содержания лица под стражей до судебного разбирательства, срок отбывания наказания начинается с момента задержания лица или взятия его под стражу за совершение данного преступления. Именно поэтому приговором от 14 марта 1997 установлено, что срок отбывания наказания следует исчислять с 8 января 1996 года, то есть с момента задержания за совершение преступлений, в отношении которых вынесен приговор, и к данному сроку присоединены оставшиеся к отбытию 6 месяцев по предыдущему приговору.

28 июня 1997 года истек ровно год, предусмотренный законом на рассмотрение моей жалобы в порядке надзора, но ответ ни утвердительный, ни отрицательный, никакой я до сих пор не получил. Куда я должен обратиться, чтобы получить ответ на мою жалобу (если она уже должна быть рассмотрена)? Я писал жалобу в порядке надзора в коллегию по уголовным делам Верховного суда РФ. Если я буду не согласен с решением оной, то куда мне нужно адресовать следующую? Стоит ли пойти по линии прокуратуры, если я уже пошел по линии Верховного суда?

Недавно по моему заявлению была пересмотрена (переквалифицирована) одна из моих статей, а именно 148 п. 4 на 163 ч. 2 п.п. «а, в», но копию приговора мне с апреля месяца так и не дали. Но когда я все же получу ее (кстати, я должен ее получить или нет?), то на новый приговор, точнее на переквалификацию статьи, я имею право написать кассационную жалобу, если я с ним не согласен?

В новом УИК РФ ст. 12 п. 4 сказано, что осужденные имеют право обращаться с предложениями, заявлениями, жалобами ... в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты осужденных. А когда они считаются исчерпанными полностью?

Также в ст. 3 п. 2 УИК РФ сказано: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотрено уголовно-исполнительным законодательством РФ, то применяются правила международного договора». А где можно прочесть правила международного договора?

Ю. Ефимьев, ЖХ 385/11,Республика Мордовия

В соответствии со статьей 371 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР пересмотр в порядке надзора вступившего в законную силу приговора допускается лишь по протесту того прокурора, председателя суда и их заместителей, которым это право предоставлено законодательством. В вашем случае такими лицами являются председатель Московского городского суда и прокурор г. Москвы. На их имя вы можете обратиться с жалобой на указанные нарушения и просьбой о пересмотре дела. Также правом принесения протеста на приговор любого суда Российской Федерации наделены Генеральный прокурор РФ, председатель Верховного суда РФ и их заместители, однако по сложившейся практике для того, чтобы жалоба была рассмотрена Верховным судом РФ, она предварительно должна быть расмотрена по существу в нижестоящем суде.

Согласно статье 361[1] УПК РСФСР освобождение от наказания, смягчение наказания либо иное улучшение положения осужденного ввиду издания уголовного закона, имеющего обратную силу, производится судом по заявлению осужденного либо по представлению прокурора, органа, ведающего исполнением наказания, или наблюдательной комиссии. Свое решение суд оформляет определением, которое обжалованию не подлежит, но может быть опротестовано прокурором.

Вопрос об исчерпании всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты является очень острым, и до сих пор не сложилось общего мнения на этот счет. Однако большинство ученых склоняются к тому, что можно признать внутригосударственные средства правовой защиты исчерпанными после того, как по делу будет вынесено постановление президиума Верховного суда РФ.

Международные договоры Российской Федерации о выдаче преступников, о передаче осужденных для дальнейшего отбывания наказания, о правовой помощи могут содержать нормы, касающиеся правил исполнения наказаний. Договоры Российской Федерации публикуются в Бюллетене международных договоров, выходящем ежемесячно, а также в Сборниках международных договоров.

Ольга ШВАРЦ,
консультант «Российского адвоката»

От редакции. Редакция журнала уведомляет своих читателей и подписчиков, что направляемые в ее адрес материалы авторам не возвращаются вне зависимости от результатов их рассмотрения.

е за меня, грешного...»

На Европу надейся...

Под эгидой Совета Европы в 1996–1998 гг. проведены ряд семинаров, конференций, деловых встреч по проблемам уголовно-исполнительной системы. Одна из таких конференций «О сокращении численности заключенных» прошла в Москве. Корреспондент журнала встретился с членом Руководящей группы Совета Европы по реформе российской пенитенциарной системы Борисом СУШКОВЫМ, заместителем начальника ГУИН МВД России, генерал-майором внутренней службы, и попросил его ответить на ряд вопросов.

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Б. Сушков (второй слева) среди иностранных участников конференции

– На конференции приводились цифры: через тюрьму, по данным некоторых аналитиков, прошел каждый четвертый мужчина России. 2,5 процента трудоспособных мужчин находится сейчас в местах заключения. В то же время многие специалисты считают лишение свободы не самым эффективным средством в борьбе с преступностью. Гораздо результативнее признаются социальные программы, обеспечивающие поддержку бедняков, семьи, занятость молодежи. Что вы думаете по этому поводу, Борис Алексеевич?

– Переполненность тюрем – серьезнейшая проблема не только для нас. В комментариях к минимальным стандартным правилам ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, отмечается: «С проблемой переполненности тюрем столкнулись многие страны, и там, где она стоит наиболее остро, невозможно приучить заключенного к законопослушной жизни после освобождения».

В США, например, ежегодно отправляются за решетку 11 миллионов человек, в большинстве молодежь. Это позволило профессору Норвалу Моррису из Чикаго говорить о «субобществе», воспитанном на антисоциальных ценностях, своего рода скрытом источнике дестабилизации и конфликтов».

– Если учесть, что у нас в год происходит почти 60 миллионов административных нарушений при 70 с лишним миллионах экономически активного населения, картина получается жутковатой. Речь, выходит, можно вести о криминализации нации, общества, государства? Неужели за счет «арестантского» опыта? Или правового бескультурья?

– Повод для раздумий, кардинальных решений, конечно, есть. Но излишне драматизировать ситуацию я бы не стал. Тюремный опыт даром, понятно, не проходит. Надо серьезно заняться сокращением тюремного населения прежде всего за счет лиц, совершивших нетяжкие преступления. А таких наберется 20–25 процентов, прежде всего в следственных изоляторах. Заключение, как правило, грубо рвет тончайшие порой нити связи человека с окружающими, вместо принятых в обществе норм поведения настраивает его на другие, отнюдь не самые гуманные.

Международные правила не случайно определяют предварительное заключение как «крайнюю меру при условии должного учета интересов расследования предполагаемого правонарушения и защиты общества и жертвы». В стране с высокой правовой культурой широко используются альтернативы досудебному аресту: поручительство, залог, домашний арест, штрафы, общественные работы, устные меры наказания – порицание, выговор, предупреждение, финансовые санкции. В Англии есть даже специальные дома, где подсудимые живут до судебного разбирательства. Мы же только на пути к применению перечисленных мер пресечения.

– И долго будем идти? Вот в октябре прошлого года главы государств и правительств Совета Европы на своей второй встрече в Страсбурге выразили готовность «пересмотреть свое ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ в целях борьбы со всеми формами социального отторжения и обеспечения лучшей защищенности наиболее уязвимых членов общества». В какой мере этой коснулось и еще коснется наших «отверженных»?

– Приходится признавать, что международные требования опережают наши возможности. Нормативы Совета Европы пока для нас высоки. Однако и то, что уже удалось сделать, приносит хорошие результаты.

В ходе дискуссий по вопросам концептуального и процессуального обеспечения уголовной политики России вносится немало интересных предложений. Например, об обязательном предоставлении подсудимым квалифицированной защиты, расширении сферы применения условного осуждения, освобождения от уголовной ответственности и наказания по основанию деятельного раскаяния или примирения с потерпевшим.

– По нормам международного пакта о гражданских и политических правах обвинение должно сообщаться арестованному «в срочном порядке», суд обязан «безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания», каждый имеет право «быть судимым без неоправданной задержки». И все это с непременным участием адвоката.

– Более того. Парламентская ассамблея Совета Европы в начале 1996 года в своем заключении по заявке России на вступление в Совет Европы особо отметила необходимость защиты статуса адвоката в нашей стране законом, учреждения профессиональной коллегии адвокатов, безотлагательного улучшения «по сути нечеловеческих условий содержания во многих следственных изоляторах».

– В санкт-петербургских «Крестах» вместо 3,5 тысяч содержится более 9 тысяч заключенных, хотя в городе открыто еще три новых следственных изолятора. Неужели все настолько беспросветно, что и увеличение «тюрьмомест» не решает проблему? О какой же гуманизации системы исполнения наказаний можно говорить?

– Почти две трети сидящих ныне за решеткой СИЗО, а это 176,6 тысяч человек, находятся под стражей в ожидании судебного разбирательства. Арестованы они в основном с санкции прокурора, что в принципе противоречит Конституции, которая гласит: арест производится по решению суда. Но пока уголовно-процессуальное законодательство придет в соответствие с положениями Основного закона страны, немало воды утечет, а прокуроры по-прежнему будут пользоваться правом отправлять людей под стражу до суда.

– Это уже как бы стало процессуальной нормой, что следствие и обвинение диктуют суду свои условия «игры». Защита и обвинение с первых шагов в неравных условиях. В судебном процессе все начинается с зачитки судьей (!) обвинительного заключения. Что, суд уже имеет до разбирательства свое мнение и обвиняет? Адвокату же слово на первом этапе обычно не предоставляется, хотя по логике равенства сторон это необходимо.

– О защите разговор особый. У адвокатов серьезная задача: максимально использовать возможности нашего законодательства для того, чтобы уберечь своих клиентов от заключения под стражу. Очень непросто это сделать.

Наше уголовно-процессуальное законодательство предоставляет широчайшие возможности для содержания людей под стражей до вступления в силу судебного приговора. Часть 2 статьи 96 УПК РСФСР позволяет арестовывать обвиняемых «по мотивам одной лишь опасности преступления». Свобода до суда не рассматривается нашими судами как неотъемлемое право человека.

Росту числа заключенных в какой-то степени способствует и новый Уголовный кодекс, упраздняющий, в частности, отсрочку исполнения приговора осужденным к наказанию в виде лишения свободы до 3 лет.

– Столь огромное количество людей за решеткой не только ничем не оправдано, но и чревато серьезными социальными конфликтами.

– Конечно. Избежать этого можно, обеспечив соблюдение прав и свобод человека, предоставленных Конституцией. Прежде всего это реальная, а не декларируемая состязательность сторон в судопроизводстве, обязательное участие профессиональных адвокатов на всех стадиях: от предъявления обвинения до исполнения наказаний, общественный контроль за соблюдением прав заключенных, совершенствование других, более мягких, чем арест, мер пресечения, использование процедур примирения нарушителя и пострадавшего под судебным контролем.

Известно, что центры социальной адаптации в три раза снижают количество тюремного контингента. Если основательно поставить дело с трудоустройством освободившихся по истечении срока, амнистированных, помилованных, появится гарантия того, что большинство из них никогда не вернутся на тюремные нары. Сейчас же многие вышедшие из заключения – больные, нищие, без крыши над головой – никому не нужны.

– Борис Алексеевич, а как вы относитесь к созданию нового единого суда по правам человека, учреждению поста комиссара по правам человека?

– Итоговая декларация страсбургской встречи – серьезный, взвешенный, ко многому обязывающий всех членов Совета Европы документ. Я бы назвал эту декларацию программой европейского взаимодействия всех сил, заинтересованных в «демократической безопасности на нашем континенте».

Комиссар, единый суд тоже ведь по правам человека – это своего рода адвокатура прав, свобод личности на международном уровне. Надеюсь, что наше участие в учреждении и деятельности этих правовых новообразований сыграет положительную роль в становлении различных демократических институтов в России. Практика показывает, что международный «рентген» не только прекрасно высвечивает, но и излечивает синдром силы.

У нас создан и работает Совет по вопросам совершенствования правосудия. На его рассмотрении и проблемы концептуального, стратегического плана, и вопросы меж- и внутриведомственные, региональные, и экспертиза предложений по улучшению деятельности пенитенциарной системы. Прорабатывается даже возможность создания общежитий для подследственных с разумным ограничением свободы. Эти общежития могли бы, кстати, содержаться на средства самих подследственных.

– В основе ваших тесных контактов с иностранными пенологами, понятно, лежит взаимный интерес. Но если они привычно чувствуют себя экспертами, то какая роль отводится нашим специалистам? Неужели и здесь мы выступаем в качестве мальчиков для битья?

– Мне проще ответить словами одного из авторитетнейших специалистов в нашем деле Эндрю Койла из Международного центра тюремных исследований, прозвучавшими на конференции: ***«Главное управление исполнения наказаний Российской Федерации хорошо знает, что необходимо для улучшения положения в тюрьмах и колониях. Оно не нуждается в том, чтобы так называемые эксперты из стран Западной Европы приезжали и говорили уже известное им».***

Мы во многом, как все настоящие профессионалы, партнеры – прежде всего в стремлении обеспечить максимум возможностей для исправления, перевоспитания оступившегося человека, возвращения его к полноценной жизни в обществе. К сожалению, наша пенитенциарная система по многим параметрам не соответствует международным требованиям. Однако сегодня мы не только говорим об этом, но и делаем многое, чтобы изменить положение.

«Дорогая редакция журнала «Российский адвокат»! С большим интересом читаю ваши материалы, рассказывающие о деятельности благотворительного фонда «Попечитель». Радует, что в наше время, полное низких помыслов и страстей, находятся люди, которые стараются бескорыстно помогать ближним, попавшим в беду. Поэтому хотелось бы побольше узнать о руководителях фонда: кто они? Почему решили взвалить на свои плечи такой нелегкий груз?

С уважением, Сергей Рудаков,
г. Томск»

От редакции: журнал «Российский адвокат» уже публиковал на своих страницах очерк о президенте благотворительного фонда «Попечитель» Александре Дмитриевиче Суханове («Российский адвокат», №1, 1997 г.). По просьбе читателя из Томска рассказываем о вице-президенте фонда Сергее Михайловиче Андриенко.

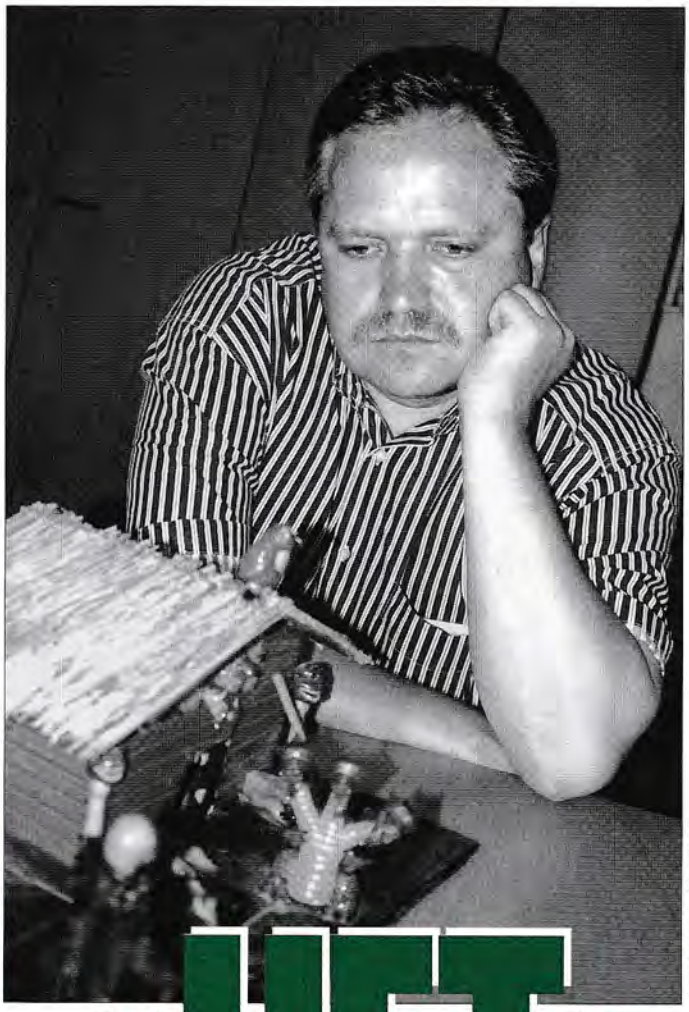


Фото Захара РОМАНОВА

СКАЖИ ОТЧАЯНИЮ «НЕТ»

Избушка Бабы-Яги настороженно наклонилась вперед, словно ожидая знакомого сигнала, чтобы волчком завертеться на лесной поляне или выкинуть угрожающее коленце, способное бросить в дрожь какого-нибудь случайного путника, что по своей либо по чужой воле забрел в эту зловещую глухомань. С таким же напряженным вниманием выглядывает в окошко сама хозяйка домика на курьих ножках – видно, высматривает очередную добычу, для которой уже растоплена жаркая печь...

Сергей Михайлович Андриенко еще раз взглянул на красочную композицию, разместившуюся на небольшом листке картона, и снова в памяти встала камера в «Матросской тишине». Вместе с Александром Дмитриевичем Сухановым, тогдашним вице-президентом акционерного общества «Торговый дом «Кафитал», он приехал в этот московский следственный изолятор, чтобы передать обитателям известного на всю страну узилища благотворительную помощь – продукты, медикаменты, предметы личной гигиены. Начальник СИЗО предложил им посмотреть, в каких условиях содержатся подследственные.

Они зашли в тесную душную камеру. Едва металлическая дверь чуть приоткрылась, как тут же в проходе между сгрудившимися двухъярусными койками выстроились десятка полтора подростков. Особенно запомнился Сергею Михайловичу один из них – худенький, маленького роста, по виду – ну первоклашка! Вот лишь с лица этого «первоклашки» не сходило выражение какой-то недетской сосредоточенности да в глазах застыла пугливая настороженность.

Потом Сергей Михайлович Андриенко узнал его историю. Жили в детском доме два брата. Сколько они себя помнили, всегда их преследовало чувство голода. Жидкая безвкусная каша да непонятное варево, гордо именуемое первым блюдом, проглатывались единым мигом, после чего еще сильнее хотелось есть.

Не выдержав, братья сбежали ночью в город и из первого же попавшегося киоска вытащили две пачки газет. Беглецы уже предвкушали, как они их продадут, а на вырученные деньги накупят себе хлеба. Много, самого разного – крутобоких батонов, аппетитных булочек и сладких, вкусно похрустывающих сухарей.

Радужные мечты испарились с появлением стражей порядка, которые доставили несостоявшихся коммерсантов в отделение милиции.

Так братья оказались в «Матросской тишине», где их рассадили по разным камерам. Теперь они несколько месяцев

ожидали, когда начнется суд. Вместе с ними за решеткой томились и другие юные бедолаги, которые тоже не поладили с суровым законом. Чтобы хоть как-то скрасить время, малолетки придумали мастерить из хлеба различные фигурки, выстраивая потом целые композиции. Одну из них, посвященную героям известной сказки, юные сидельцы подарили гостям.

Может, Сергей Михайлович не так близко к сердцу принял бы знакомство с брошенными за решетку подростками, будь у него самого детство посытнее и побезоблачней. Оно же выдалось таким, что не оставляло места для безмятежной бездумности. Его отец, Михаил Григорьевич Андриенко, работал начальником метеостанции на Памире. Доходы в семье были невелики. Чтобы прожить, всем приходилось заниматься хозяйством. С ранних лет Сергей узнал, что такое труд. Едва встав на ноги, он стал помощником отцу. Мальчику не исполнилось еще и десяти лет, как он уже один ходил на охоту. Там и произошел с ним случай, который остался в памяти на всю жизнь.

Однажды весной он вышел рано утром из дому, чтобы поохотиться на горных куропаток, рассчитывая, что добыча станет хорошей добавкой к небогатому семейному столу. Пока солнце не набрало высоту, снежный наст держал Сергея, и он шел довольно легко. Но потом светило начало ощутимо пригревать. Снеговая корочка стала быстро подтаивать, и вскоре подросток уже проваливался в полутораметровые сугробы. Теперь каждый шаг вперед давался с большим трудом. Через час такого продвижения, когда надо было пробиваться по грудь в снегу, мальчик почувствовал, что выбивается из сил.

Ему, как в тумане, привиделись лица родных – отца, мамы, старшей сестры. И вдруг он словно услышал отцовский голос: «Держись, сын! Ты должен выбраться!». Собрав всю волю, Сергей упрямо двинулся дальше, пока не наткнулся на тропу, оставленную охотниками...

В его жизни потом не раз случалось так, что он будто снова попадал в снежный плен, грозящий отчаянием и безнадежностью. После окончания в 1983 году энергетического института в Алма-Ате Сергей связал свою судьбу с армейской службой, но через несколько лет был вынужден оставить ее по состоянию здоровья. Врачи порекомендовали ему сменить климат. На семейном совете решили переехать в Киев, на родину жены. Переход к гражданской жизни оказался сложнее, чем предполагалось. Сразу навалилась куча забот, главная из которых – поиск работы. Куда пойти? Где найти дело по душе? И когда, казалось, варианты будущего устройства иссякли, удача улыбнулась Сергею. Его пригласили на работу в крупную компанию, которой руководил Юрий Михайлович Сидоренко. Он-то и стал первым наставником Сергея на новой для него ниве коммерции и предпринимательства.

Все эти годы Андриенко поддерживал добрые отношения с Александром Сухановым, с которым много лет назад познакомился на Памире. Мимолетная встреча переросла в крепкую мужскую дружбу. Когда Александр оставил спорт, где он был одним из сильнейших мастеров вольной борьбы в стране, и стал вице-президентом акционерного общества, он принялся настойчиво приглашать своего друга перебраться в Москву, чтобы вместе работать. Александр руководствовался не только чувствами – в старом товарище его всегда привлекали основательность, целеустремленность, ответственность.

Сергей Андриенко не сразу решился на новый поворот в своей судьбе – опять все начинать сначала, снова обживать незнакомое место. На старом вроде все наладилось, пришли признание и авторитет. И все же он не мог отказать другу. Да и перспектива предложенной работы увлекала.

С тех пор прошло несколько лет. И Сергей ни разу не пожалел о своем выборе. Они с Александром понимают друг друга с полуслова, даже с одного взгляда.

Вот и тогда, выйдя из камеры на тюремный дворик, который показался необыкновенно светлым после сумеречных казематных коридоров, Сергей Михайлович расстроенно вздохнул.

– Как помочь ребятам?

– Я тоже думаю над этим,– признался Александр Дмитриевич.– Конечно, поможем продуктами, одеждой. Но, по-моему,– добавил он,– надо смотреть шире. Ведь не одна такая камера сегодня бедствует. Да и не одна «Матросская тишина» сейчас оказалась в трудном положении. Может, стоит прикинуть, как поддержать и другие такие учреждения.

Они потом не раз возвращались к этой теме, обсуждали, делали расчеты. Постепенно выкристаллизовалась идея создания такого фонда, который взял бы на себя вопросы благотворительной помощи не только осужденным, но и персоналу уголовно-исполнительной системы.

Так появился на свет «Попечитель»...

Он сразу встретил поддержку и понимание у руководства Главного управления исполнения наказаний МВД России. Заместитель начальника ГУИН генерал-майор внутренней службы Борис Алексеевич Сушков, руководящие работники главка Вячеслав Васильевич Бубнов, Василий Трофимович Кузьмин много сделали для того, чтобы фонд «Попечитель» быстрее встал на ноги, принял активное участие в решении самых острых проблем российской пенитенциарной системы.

Оказалось, есть немало людей, готовых бескорыстно участвовать в деятельности фонда. Здесь с признательностью называют имена генерального директора гуманитарного издательского центра «Владос» Владимира Петровича Бородина, генерального директора ЗАО «Колор» Зои Петровны Глистиной, генерального директора фирмы «Даниил» Геннадия Юльевича Лейкина, заведующей аптекой №494 «Гелиос» Западного административного округа столицы Татьяны Михайловны Ефимовой. Благодаря их помощи в колониях появились новые книги, белье, медицинское оборудование, лекарства.

Но нашлись и злопыхатели, которые во всяком добром деле с усердием, достойным лучшего применения, выискивают какие-то тайные корыстные устремления. Видать, не у всех укладывается в голове, что в наше время еще могут существовать сострадание, человеческая доброта, готовность протянуть руку помощи человеку, попавшему в беду.

– Не обижают вас такие нападки? – спросил я при встрече Сергея Михайловича.

– Да нет,– с присущей ему выдержкой ответил мой собеседник.– Просто каждый смотрит на эту проблему по-своему. А в жизни мне чаще приходится встречаться с людьми, разделяющими наше к ней отношение и готовыми принять участие в общей работе. Это прибавляет уверенности, что вместе нам удастся сделать больше.

...Он смотрит на фигурки, вылепленные детьми, уже познавшими воровство, драки, ампулы с ядовитым зельем. Но они еще верят, что их отчаянию можно сказать «нет». Ведь недаром упрямо встал перед сонмом чудищ добрый молодец, что пришел победить зло.

Владимир СЕЛЕДКИН,
спец. корр. «Российского адвоката»
На снимке: С. М. Андриенко

Время учиться

Участников семинара приветствует статс-секретарь Федерального министерства юстиции Германии г-н Ланферманн

Фото Бориса ПАРВУЛЮСОВА

Участковый суд г.Ойскирхена. Знакомство с процедурой «досудебного» разбирательства

Валерий ЗАЛМАНОВ,
председатель президиума Межтерриториальной коллегии адвокатов Гильдии российских адвокатов

Учиться никогда не поздно. Этой житейской мудростью активно руководствовались участники германско-российского семинара, который состоялся в конце апреля в Бонне. Организаторы – Германский фонд международно-правового сотрудничества и Гильдия российских адвокатов составили довольно-таки напряженную программу, позволяющую обсудить вопросы юридической защиты предпринимательства, познакомиться с практикой работы наших коллег.

Состоялись встречи в Федеральном министерстве юстиции Германии со статс-секретарем (первым заместителем министра) г-ном Ланферманном, г-ном Луйо Фадэ – директором Германского фонда международно-правового сотрудничества, в Кельнской нотариальной палате, в правовом отделе концерна «Харибо», в участковом суде г.Ойскирхена, в поземельном ведомстве участкового суда Бонна, а также ряде адвокатских контор. Участникам семинара были предложены лекции д-ра Вертенбруха (институт торгового и хозяйственного права) и других наших коллег по проблемам рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве), ведения поземельных книг, корпоративном праве регистрации предприятий, исполнения судебных решений и др.

Замечу, что фонд позаботился не только о содержательной стороне семинара. Его участникам была предоставлена возможность познакомиться с достопримечательностями Бонна, посетить Бундестаг, Кельнский собор, отдать дань национальной кухне в знаменитом боннском ресторане «Св. Михаил», попробовать кельнское пиво старинного пивоваренного предприятия «Кюпперс Бранудхаус»...

Наши собеседники неоднократно подчеркивали, что Германия – это правовое государство, обладающее разветвленной системой юридических институтов. Один из основных – адвокатура.

Адвокатов в Германии свыше 80 тысяч. Они объединены в земельные адвокатские палаты. На федеральном уровне – Федеральную адвокатскую палату. Членство в палатах обязательное в соответствии с законом об адвокатуре. Есть еще Союз адвокатов Германии, где членство добровольное. По нашей терминологии Союз является общественным объединением.

Чтобы стать адвокатом, впрочем как и прокурором, судьей и т.д., необходимо отучиться на юридическом факультете университета, пройти почти трехлетнюю стажировку в судах, ведомствах юстиции, у прокуроров и адвокатов и затем сдать государственные экзамены в земельном ведомстве юстиции. Как нам рассказали наши коллеги, от результата экзаменов зависит, получишь ты место в солидной адвокатской конторе или будешь вынужден сам искать какую-либо юридическую должность.

Сдав экзамены, будущий адвокат должен получить разрешение от ведомства юстиции той земли, при суде которой он собирается практиковать. Каждый адвокат должен открыть свое бюро или может поступить на работу в адвокатскую контору.

Юридическую помощь в Германии оказывают только адвокаты. Расценки, тарифы, гонорары за оказание юридической помощи определяются особым законом, в котором предусмотрены все расходы – от поездки по заданию клиента на такси до гонорара за выступление в суде.

Ведут ли немецкие адвокаты дела по назначению, то бишь бесплатно? Ведут, но являются они бесплатными не для адвоката, а для клиентов. С адвокатом по таким категориям дел рассчитывается государство. Конечно, не по обычным ставкам. Как правило, суд рассматривает заявление обратившегося за юридической помощью, что у него нет средств на оплату труда адвоката, и назначает, если сочтет нужным, адвоката, который состоит при этом суде. Проведя дело, адвокат вправе получить гонорар из специальной кассы суда.

Адвокат в Германии – профессия уважаемая. Уважаемая не только потому, что адвокатами становятся наиболее компетентные юристы, но и потому, что в правовом государстве без адвоката не ступить ни шагу. Например, в делах о банкротстве, где от знаний адвоката, его умения разобраться в хитросплетениях гражданского законодательства зависит судьба не только предпринимателя-банкрота, но и его клиентов. На эту тему была прочитана весьма интересная лекция г-на Верреса из кельнской адвокатской конторы «Д-р Хайланд и партнеры».

Общая проблема для России и Германии – вопросы обращения взыскания на недвижимое имущество. Говоря иными словами – исполнение судебных решений. Г-н Вет – директор участкового суда г. Ойскирхен – уделил участникам семинара немало времени, чтобы рассказать об особенностях немецкого судопроизводства в этой сфере. Остановлюсь на самом интересном. В отличие от России в Германии существуют так называемая процедура предупредительного (досудебного) производства. Только один пример. Предположим, некий гражданин не платит за телефон. У нас эта проблема решается просто. Вначале отключается телефон, затем по суду взыскивается задолженность (в теории, конечно). В Германии иначе. Телефонная компания обращается в участковый суд, где существует предупредительный порядок разрешения дел подобных категорий. Его сотрудники собирают необходимые документы, проверяют законность требований телефонной компании и направляют соответствующее предписание должнику. Если должник не оплачивает счет, то только тогда к нему применяются санкции в виде отключения телефона. В том случае, когда должник не согласен с требованиями телефонной компании, он может обратиться в суд с иском. Здесь уже спор рассматривается в порядке гражданского судопроизводства.

Как отметил г-н Вет, налицо экономия дорогостоящего судебного времени. Хотя, по его признанию, это далеко не всегда удается. Совсем недавно ему пришлось по спору ценой в 2,6 марки написать 16 страниц судебного решения. Кстати, загрузка у судей большая. В том же суде судья проводит в год примерно 500 гражданских процессов и около 180 – уголовных.

Подчеркнем, что «предупредительное» производство – часть немецкой системы правосудия – находится под контролем директора суда, который выступает в двух лицах, как администратор для сотрудников суда и как судья, равный своим коллегам-судьям.

Большой интерес у участников семинара вызвала система регистрации прав на недвижимость, ведения поземельных книг, кадастра, реестра собственников и т.д. Например, каждый, кто хочет приобрести земельный участок, может заглянуть в поземельную книгу, которая ведется в участковых судах, и узнать: кто владел им раньше, кто владеет сейчас, каковы его права и т.д. Особенно это важно при разрешении споров, как подчеркнули наши коллеги, между соседями. Поземельные книги ведутся у немцев давно, более 100 лет, и вся необходимая информация о всех собственниках всегда налицо.

Интересным было знакомство с организацией юридической службы в концерне «Харибо», который производит детские сладости и является одним из крупнейших предприятий этого рода в Европе. Попутно заметим, что экспансия немецких сладостей в Россию нам не грозит. «Харибо» пока только открывает свой филиал в Польше, а к России присматривается. Но адвокат везде остается адвокатом, и руководитель правового отдела г-н Пройссер, кстати, являющийся адвокатом, все-таки получил полный набор визиток от всех участников семинара.

Можно предположить, что развитие хозяйственных отношений между Германией и Россией усилит обоюдный интерес к праву. Как мы убедились, многие положения немецкого и российского законодательства, регулирующего вопросы защиты предпринимательства, носят общий характер и обмен опытом в этой сфере весьма полезен. И нельзя не отметить давнее деловое сотрудничество с Германским фондом международно-правового сотрудничества, его представительством в Москве, возглавляемым профессором Бергманном, сотрудником фонда г-жой Т.Яковлевой, консульско-правовым отделом Посольства Германии в Москве, которые помогают укреплять связи с немецкими юристами, налаживая мостки между нашими правовыми системами.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Два минувших месяца принесли радость юбилейных торжеств многим российским адвокатам. Славные даты в своей жизни и деятельности отметили:

80 лет со дня рождения – Дубасова Анна Георгиевна, ветеран Московской областной коллегии адвокатов;

75 лет со дня рождения – Кобец Николай Григорьевич, член коллегии адвокатов «Мосюрцентр»; **Дегтярев Владимир Данилович**, член Санкт-Петербургской коллегии адвокатов; **Семчуков Борис Семенович**, член Межреспубликанской коллегии адвокатов; **Глубоков Петр Иванович** и **Миронов Павел Андреевич**, ветераны Московской областной коллегии адвокатов; **Горелов Олег Владимирович, Грачев Александр Сергеевич, Деревянченко Иван Федорович, Заманская Вера Абрамовна, Каждан Сергей Ефимович, Кондрашин Михаил Григорьевич, Суслова Нина Петровна** и **Шнейдер Владимир Яковлевич**, члены Московской городской коллегии адвокатов;

70 лет со дня рождения – Бурьянова Роза Владимировна и **Беницианов Аркадий Яковлевич**, члены Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов; **Кузьмина Лия Яковлевна** и **Пчелинцева Элеонора Александровна**, члены Московской городской коллегии адвокатов;

60 лет со дня рождения – Дедюев Николай Иванович, Семенов Виктор Петрович и **Ухабова Александра Сергеевна**, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов; **Липатов Вячеслав Васильевич**, член коллегии адвокатов «Мосюрцентр»; **Козлов Валентин Александрович, Лупшев Юрий Филиппович, Лысиков Валерий Иванович** и **Мурадов Арташ Григорьевич**, члены Московской областной коллегии адвокатов; **Вольтова Людмила Николаевна, Горева Галина Измайловна, Гурьянова Валентина Федоровна, Киндякова Клара Николаевна, Поплутин Юрий Николаевич** и **Резник Генри Маркович**, члены Московской городской коллегии адвокатов; **Лапанович Николай Прокофьевич, Иванцов Леонид Александрович, Тихонов Юрий Сергеевич** и **Харитонова Маргарита Александровна**, члены Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов;

50 лет со дня рождения – Максимов Юрий Владимирович, член Коллегии адвокатов г. Москвы; **Дорогуш Вера Витальевна** и **Скворцова Ирина Анатольевна**, члены Московской городской коллегии адвокатов; **Аташин Валерий Николаевич, Егоров Анатолий Михайлович, Землянский Владимир Михайлович, Колокольникова Светлана Ивановна, Кочетова Вера Сергеевна** и **Мацкус Евгений Леонардович**, члены Московской областной коллегии адвокатов; **Бакалейский Павел Иванович, Гартман Виктория Викторовна, Демидова Лариса Николаевна, Донковцев Александр Николаевич, Мосолова Тамара Ивановна, Нарожный Виктор Борисович, Терещенко Таисия Семеновна** и **Тихонова Светлана Александровна**, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов; **Блинов Борис Сергеевич, Исаенко Борис Николаевич, Чупрынин Александр Викторов** и **Шапковская Антонина Алексеевна**, члены коллегии адвокатов «Мосюрцентр»; **Столбков Александр Семенович** и **Раков Василий Петрович**, члены Межтерриториальной коллегии адвокатов; **Арсентьев Виктор Алексеевич, Гусев Валерий Александрович, Гусева Татьяна Николаевна, Дробышевская Татьяна Петровна, Колесник Лилия Николаевна, Машинская Лариса Григорьевна** и **Резникова Елизавета Эфроимовна**, члены Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов.

ЦЕНА РЕКОРДА

Судьба, говорят, играет человеком... Попытаюсь усомниться в справедливости этого тезиса. В свое время Людмила Белоусова и Олег Протопопов отказались подчиняться обстоятельствам и выиграли долголетие в фигурном катании. Если бы рядом со «вторым Стрельцовым» Юрием Севидовым был по-настоящему профессиональный адвокат и настоял на проведении следственного эксперимента, Юрий не провел бы на зоне пять лет. Если бы не жизненная безысходность, алкоголь не увел бы от нас преждевременно футбольного кудесника Игоря Численко, не забрал бы в бригаду могильщиков великого хоккеиста Александра Альметова. Если бы...

Условное наклонение к прошлому, ясное дело, неприменимо. Но оно должно присутствовать при выборе пути в настоящем. Если я поступлю так, то... А если эдак, то...

Геннадий ВЕНГЛИНСКИЙ, президент Международного благотворительного фонда социальной защищенности спортсменов им. Л. Яшина, судья международной категории, кандидат педагогических наук

Фото Захара РОМАНОВА

Геннадий Венглинский с вдовой Льва Яшина Валентиной Тимофеевной

В нашем спорте сегодня происходят разительные перемены. Пловцы живут и тренируются в Австралии, боксеры – в Японии, теннисисты – в США. Хоккеисты играют в Северной Америке, футболисты, волейболисты, баскетболисты – в лучших клубах Европы. Это означает прекрасные условия для работы, приличные деньги и, что немаловажно, не грабительские, как у нас, налоги.

В то же время обозначилась тенденция возврата наших спортивных звезд в родные пенаты. Задуман оригинальнейший, единственный в своем роде Ледовый дворец Ирины Родниной. Есть надежда, что заработает вратарская школа блистательного Рината Дасаева. Не исключен вариант, что президентом хоккейного клуба ЦСКА станет легендарный Вячеслав Фетисов.

Но за мощными ныне шеренгами триумфаторов, счастливчиков не видны совсем, либо плохо различимы те, кому повезло меньше,– забытые, сбитые нуждой с ног, никому не нужные вчерашние любимцы масс и государства. Те, кто отнюдь не исчерпал все свои возможности, мог бы и готов потрудиться во имя скупого на внимание отечества.

Все – лавры и тернии, розы и мимозы – смешалось в парадных подъездах и не блещущих чистотой нравов подвалах нашего спортивного дома. Спорт на распутье: налево пойдешь, прямо, направо... Но куда бы мы ни пошли, забота о правах, социальной защищенности творцов побед и рекордов должна быть первостатейной.

Профессиональный спорт – это хорошо оплачиваемая работа. А большие деньги – большие проблемы. Заказные победы, допинг, травмы. Контракты, переходы из клуба в клуб, спонсоры, реклама. Споры, конфликтные ситуации, раздоры. Сплошь и рядом юридические тонкости правовых взаимоотношений спортсмена в команде, клубе, обществе, государстве, в семье, наконец. Это то, чем в нашем любительском спорте функционеры не умели и не хотели заниматься. Кто же возьмет на себя такую обузу сейчас?

Желающих хоть отбавляй. Деньги, оказывается, еще как пахнут. И чем больше спорт становится средством привлечения крупных финансов, тем энергичнее расширяется круг дельцов, желающих играть в нем не последние роли. Одно дело, когда славную баскетбольную команду ЦСКА раскручивает профи высшего класса Александр Гомельский и совсем иное, когда команду N прикупает некий ни бельмеса не смыслящий в спорте, но весьма амбициозный бизнесмен. Тут уж не до здоровья, перспектив конкретных спортсменов. Главное – или результат, или деньги. Причем сегодня, сейчас. Там же, где силовой нажим, непременны моральные, физические травмы. Там обиды, людская боль, конфликты, трагедии. И нередко полнейшая правовая незащищенность перед хозяйским произволом: не нравится – уходи.

В такой ситуации спортсмен оказывается крайним чаще всего из-за собственной юридической безграмотности, неосведомленности о том, где можно проконсультироваться перед заключением договора, при возникновении конфликтов. В свое время «оптом» по трехгодичному контракту продали в Японию чемпионов мира, страны боксеров Юрия Арбачакова, Орзубека Назарова, Вячеслава Яновского. Потом им пришлось помучиться, прежде чем удалось добиться более выгодных для себя условий. Назаров даже судился с «хозяевами», с помощью адвоката выиграл дело и подписал хороший контракт с французами. А стоило раньше обратить внимание на такую «мелочь», как юридическая экспертиза предлагавшегося договора, и проблемы бы не возникли.

Однако проблем может не быть и по другим причинам. Здоровье людей, как известно, куется на спортивных площадках, стадионах, в бассейнах. Потому-то и было их у нас превеликое множество. Сейчас же сплошь и рядом видишь на месте хоккейных коробок, волейбольных, баскетбольных площадок гаражи, автостоянки, склады. У Речного вокзала были разбиты прекрасные футбольные поля. Что там сейчас? Рынок. Понимаю, торговля – дело нужное, но нельзя же до такой степени заторговываться, что всю страну превращать в один большой оптово-розничный базар.

А ликвидация спортивных баз – это вообще своего рода диверсия, прямое нарушение прав человека на активный отдых, физическое совершенствование, укрепление здоровья, предоставленных Конституцией. У государства нет средств поддерживать спортивные сооружения в должном виде? Предоставьте такую возможность тем, кто в состоянии это делать. У нас, к счастью, есть состоятельные люди, готовые вкладывать средства в развитие различных видов спорта. Но они же не могут просто «выбросить» их на Н-й счет, который у нас непостижимым образом почему-то работает на чиновничий карман. Значит, нужен узаконенный механизм меценатства, учитывающий интересы благотворителя, государства и спорта, обеспечивающий правовую, экономическую, социальную защищенность всех участников процесса.

К сожалению, наше государство не поощряет благие порывы, очевидно, усматривая в каждом добром движении души финансово-экономическую каверзу. Мы не раз сталкивались с подобным к себе отношением. Фонд наш специфический. Создан он был Отари Квантришвили, о котором до сих пор, с подачи средств массовой информации, идет молва как о мошеннике или мафиози. И при этом – ни одного факта. А пятно, тень ложится и на Отари, и на доброе дело, у истоков которого он стоял. Во многом по этой причине нам приходится отказываться от заманчивых коммерческих предложений: любые честным путем заработанные деньги у нас могут назвать «отмытыми», бандитскими или какими-то еще. И попробуй потом сам отмыться. Существуем в основном на частные пожертвования, хотя вполне могли бы за счет коммерческой деятельности и обороты фонда увеличить, и фронт, масштабы благотворительной помощи расширить. Гарантии чистоты помыслов и дел – наш «золотой» актив: Валентина Тимофеевна Яшина, Елена Николаевна Боброва, известнейшие футболисты, хоккеисты, борцы, боксеры...

Фонд ежемесячно платит стипендию гимнастке Лене Мухиной – с момента ее травмы. Помогаем лекарствами, поддерживаем морально. Выдаем пособие борцу Николаю Балбошину, легкоатлету Валерию Брумелю. Помогаем семье Валерия Харламова, фонду Всеволода Боброва, многим спортсменам, деятелям культуры, искусства, творчество которых связано со спортом. Провели конкурс спортивной песни в зале Чайковского в честь 100-летия российского футбола.

Когда мне предлагают высказать свои соображения по поводу возможных вариантов развития российского спорта, отвечаю: не надо изобретать велосипед, кого-то копировать, надо просто вернуться к собственному опыту. У нас же была, пожалуй, лучшая в мире система физического воспитания и нужно лишь возродить на новой экономической, правовой основе спортивные кружки, секции, клубы, общества.

Почему на новой основе? Потому что физкультура, как массовый род занятий спортом, можно сказать, утрачивает общественно-значимый статус. Спорт становится официально признанной государством профессией. Значит, нужен соответствующий закон, который расставит жизненно необходимые точки в системе взаимоотношений спортсменов с государством, бизнесом, обществом, между собой.

Боюсь только, что потребность в этом осознается по-настоящему лишь теми, кто непосредственно занимается спортом. У законодателей понимание проблемы близко к нулю. Мне довелось быть в составе комиссии, которая готовила проект аналогичного закона для Московской городской думы. Предложили мы один вариант, а увидели совершенно другой – куцый, выхолощенный. Теоретически вроде бы все верно, а к практике никакими канатами не привяжешь.

Вообще жаль, что законы у нас готовят одни, а принимают их другие. Есть сомнения, что и закон о спорте, о котором мы говорим уже несколько лет, может оказаться неработающим. Несмотря на то, что всем ясно: в стране, где нет закона, гарантирующего здоровый образ жизни населения, вряд ли появятся полноценно здоровые поколения. А это, как ни суди, свидетельство того, что у такой страны нет будущего.

И все-таки, несмотря ни на что, наш спорт жив. Совершенно очевидно сдвинулись с мертвой точки баскетбол, хоккей, где старательно прививают к своеобразному российскому климату лучшие образцы заокеанского опыта. Вне конкуренции наши фигуристы, гимнасты, лыжницы, борцы. Прогрессируют бокс, отдельные виды легкой атлетики, плавания. Не упустить бы самый важный момент и своевременно поддержать хрупкие пока ростки нового профессионального спорта.

Уже ясно, что скоро многие наши спортивные звезды будут возвращаться домой из зарубежных, скажем так, командировок. За годы всесторонне обеспеченной заграничной жизни ребята привыкли к цивилизованному, основанному на законе обращению с ними. У каждого там были личные врачи, психологи, юристы. Кто и что их ждет, защитит здесь? Кто гарантирует, что наше государство в очередной раз не протянет свою грубую налоговую руку к чужому хлебу с маслом?

Вспомним шумиху вокруг первых в истории российского спорта солидных «призовых» олимпийских чемпионов Нагано. Олимпийский комитет и правительство России имеют одну точку зрения, Госналогслужба – другую, налоговая полиция, плюя на всех и вся,– свою особую...

Все, от президента до налогового полицейского, понимают, что это ненормально, но делают вид, что свято блюдут закон. К стыду нашему, спортивные руководители даже самого высокого ранга оказываются настолько юридически беспомощными, зависимыми от власти, что не рискуют вмешиваться, обращаться в суд. А где гарантии, что процесс будет выигран? Адвокатов, которые профессионально занимались бы юридической защитой в спортивной сфере, у нас единицы. Надобность же в специалистах, которые могли бы «раскрутить» справедливость, законность на нашем игровом поле, есть.

Нужны классные юристы, которые могли бы обеспечить своего рода юридические «бакены» на полном подводных камней спортивном маршруте – от детской спортивной школы до пенсии. Мы всерьез подумываем об организации специализированной юридической консультации при фонде. Это в интересах всех причастных к спорту. Федерации, клубы могли бы опираться на знания, опыт профессиональных адвокатов, знакомых со спортом изнутри, не только при разрешении спорных вопросов, конфликтных ситуаций, но и для юридической экспертизы новых идей, проектов, коммерческих предложений, крупных контрактов.

Дело новое. Во всяком случае, пока о такой специализации правовой защиты спорта и спортсменов я не слышал. А раз новое – значит, интересное. И нужное всем, потому что спорт, по точному выражению американского культуролога Джералда Эрли, «это мы, люди, какие мы есть, какими хотели или могли стать».

ПОМОЩЬ ПРИШЛА ИЗ НОРВЕГИИ

На этот раз гостем нашей редакции был Гуннар НЕРДРУМ, норвежский адвокат, член Парижской коллегии адвокатов, член Международного союза (содружества) адвокатов в Москве, судья Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС) при Торгово-промышленной палате (ТПП) РФ, судья арбитражного суда при ТПП Санкт-Петербурга. Нердрум входит в международные адвокатские ассоциации: в IBA (International Bar Association, Лондон, 20 тысяч адвокатов), UIA (Union International des Avocats, Париж, 4 тысячи адвокатов). В последней – член президиума. Адвокатское бюро в норвежском городе Тромсо, которое он возглавляет, принято в престижный International Grouping of Lawyers (IGL). Знает, кроме родного норвежского, пять языков, в том числе русский. На русском языке Гуннар Нердрум давал свое интервью журналу «Российский адвокат».

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Гуннар Нердрум (в центре) с российскими коллегами

– Вы, как нам известно, не единственный из семейства Нердрумов, кто посвятил себя служению Фемиде.

– Да. Мой отец – Кааре был судьей. Пользовался авторитетом. Он, кстати говоря, был известным спортсменом, чемпионом страны в беге на 1500 метров. Профессию адвоката избрал мой сын – Пер Кааре. Он партнер самой престижной юридической фирмы в Осло.

– К России у вас, можно сказать, особое отношение. Вы много раз приезжали в нашу страну. Связано ли это с тем, что ваша супруга Анна имеет российские корни?

– Дед Анны носил фамилию Морозов. Родился он в Великом Устюге. Здесь занялся революционной деятельностью. Вступил с партию эсеров. В 1905 году, когда началась в России первая революция, он жил в Минске, работал на почте. Там Морозов организовал забастовку почтовых работников. За это был осужден. Потом эмигрировал из России. В конце концов обосновался в Париже.

Два года назад мы с Анной ездили в Великий Устюг. Провели там три дня.

– Как вы стали членом Парижской коллегии адвокатов?

– Этим я обязан Анне. Париж – ее родной город. Здесь родственники, друзья, привычный уклад жизни, работа. По ее просьбе и предложению мы избрали французскую столицу местом постоянного жительства.

Сначала я был в Париже норвежским адвокатом. Потом во Франции изменилось законодательство. Теперь адвокатскую деятельность может вести только тот, кто является членом французской коллегии. Чтобы вступить в Парижскую коллегию, мне надо было сдать экзамен по французскому праву. За три месяца я освоил институтскую программу.

– Судя по публикациям, значительная часть вашей профессиональной деятельности связана с российскими проблемами. Расскажите об этом.

– Чаще всего я приезжал в Россию по арбитражным делам. Участвовал во многих процессах. И сейчас участвую. Большинство дел рассматривает МКАС.

Интересной была для меня поездка в Санкт-Петербург в феврале 1998 года. В этом городе проходила научно-практическая конференция по проблемам международного арбитража. Я выступил с сообщением на конференции. Расска-

зал об опыте своего участия в работе МКАС, арбитражного суда при ТПП Санкт-Петербурга, международного арбитражного суда при ТПП Парижа.

Я неплохо знаю российское законодательство. В 1988 году месяц был гостем Института государства и права АН СССР. Днем сидел в читальном зале библиотеки, вечером ходил в театры.

– Насколько нам известно, на этот раз вы приехали в Москву по делу возмещения ущерба родственникам горняков России и Украины, погибших в авиационной катастрофе 29 августа 1996 года на Шпицбергене. Наша пресса много писала об этой трагедии, унесшей жизни 119 российских шахтеров, печатала письма вдов, адресованные вам, с просьбой через норвежский суд заставить выплатить им справедливую сумму возмещения ущерба. Российские газеты в свое время опубликовали ваше письмо, обращенное к членам пострадавших семей. Процитирую из него несколько строк: «Мне кажется, что предложенная сумма (20 тысяч американских долларов.– Прим. редакции) не отвечает реальным потерям, более того, имеются сомнения по поводу реальной выплаты этой суммы». Как вы вступили в это дело?

– Через месяц после трагедии мне позвонил Дерек Вайлд, глава представительства одной австрийской юридической фирмы в Москве, и предложил выступить в норвежском суде в качестве представителя российской гражданки, чей муж погиб в авиакатастрофе на Шпицбергене. Правовая основа для таких действий имеется. Ваша страна, как и Норвегия, подписала Варшавскую конвенцию, регулирующую международные воздушные перевозки. Один из пунктов этой конвенции предоставляет гражданам возможность обращаться с исками о возмещении ущерба в случае авиакатастроф как в суд собственной страны, так и в суд государства, куда направлялся данный самолет. Я согласился.

Я думал, это будет разовая акция. Но когда через два месяца приехал к вам, то узнал: большинство пострадавших – российских и украинских – ждут помощи от меня. Я посчитал себя обязанным встать на их защиту.

– И какие препятствия вы встретили на своем пути?

– Пришлось решать целый ряд сложных задач. Надо было, например, определить круг ответчиков. Ими, по нашему мнению, являются авиаперевозчик «Внуковские авиалинии», страховая компания «Афес», ряд английских страховых и перестраховочных компаний.

Выяснить страховые договорные отношения оказалось делом чрезвычайно сложным. Мы долго не могли получить нужные документы. Столкнулись с жестким сопротивлением ответчиков.

На адвокатские просьбы они практически не реагируют, требуют судебных запросов и ходатайств. Нам понятны их мотивы. Они хотят затянуть процесс в надежде, что кто-то из истцов не выдержит жизненных тягот, безденежья и подпишет мировое соглашение с «Внуковскими авиалиниями», по которому получит 20 тысяч долларов США в рублевом эквиваленте и откажется от всех других претензий к перевозчику.

Препятствием является также то, что представляющие интересы ответчиков юридические фирмы активно ищут любые поводы для того, чтобы отодвинуть начало открытого судебного разбирательства. Когда наступает страховой случай, все дела по возмещению ущерба берет на себя страховая компания. И тут занятная ситуация. Страховая компания «Афес» активных действий не предпринимает, переложив заботы на перестраховщиков, которые также не торопятся возмещать ущерб.

Ответчик и их адвокаты считают, что 20 тысяч долларов США на семью – это предел выплат пострадавшим семьям. Цифра произвольная. Что любопытно, само российское право не вносит ясности в вопрос о пределах ответственности перевозчика. Оно прямо ориентирует на приоритет норм международного права.

Варшавская конвенция (Гаагский протокол 1955 года) ограничивает ответственность авиаперевозчика за жизнь пассажира денежной суммой в 250 тысяч так называемых франков Пуанкаре (1 франк Пуанкаре равен определенному количеству золота). И если мы пересчитаем эти 250 тысяч франков через стоимость золота, то получим сумму, значительно превышающую 20 тысяч долларов США.

Это объясняет, почему «Внуковские авиалинии» торопились выплатить пострадавшим семьям оговоренную сумму и поставить на этом точку. Я уверен, что мы в норвежском суде отстоим интересы российских и украинских клиентов. И это будет иметь серьезные последствия. Будет создан прецедент. Российские граждане увидят для себя возможность в подобных несчастных случаях обращаться за защитой своих интересов в суды других государств.

– Иски российских граждан будут рассматривать по норвежскому законодательству?

– Не совсем так. Сумму материального возмещения, как того требует международное частное право, будем доказывать по российскому праву: берем зарплату российскую, учитываем количество иждивенцев, их возраст и т.д. Полтора года мы работали над этими расчетами. Мы – это я и моя хорошая помощница, московский юрист Татьяна Старикова. Надо было сделать расчеты для двухсот человек (в каждой семье имеют право на возмещение ущерба несколько лиц).

– На какой стадии находится подготовка к процессу?

– Первое заседание суда было назначено на 25 мая. Но потом оно было отложено на более поздний срок. Возникло много вопросов процессуального характера – часть предварительных решений норвежского суда обжаловали ответчики, два решения обжаловал я.

– О каких суммах возмещения ущерба идет речь?

– Потолок составляет около 100 тысяч долларов США на всю семью. В основном же сумма колеблется где-то от 36 до 60 тысяч долларов. Это, повторяю, рассчитано по российским законам. Значительную часть в этих суммах составляет возмещение морального ущерба. Опираясь на судебную практику в России, мы считаем реальной сумму возмещения морального ущерба в 10 тысяч долларов на каждого человека.

– Ваши российские коллеги рассказывали, что всю подготовку к процессу вы ведете за свой счет – несете расходы на транспорт, на проживание в гостиницах и т.д. Так ли это?

– Да, так. По норвежскому законодательству, расходы по оплате труда адвоката несут ответчики. Надеюсь, что мне удастся возместить свои расходы и получить некоторый гонорар, поскольку убежден в правоте своей позиции и в успешной защите российских и украинских граждан, потерявших своих близких в авиакатастрофе на Шпицбергене.

Беседу провел
спец. корр. «Российского адвоката»
Валентин ВИКТОРОВ

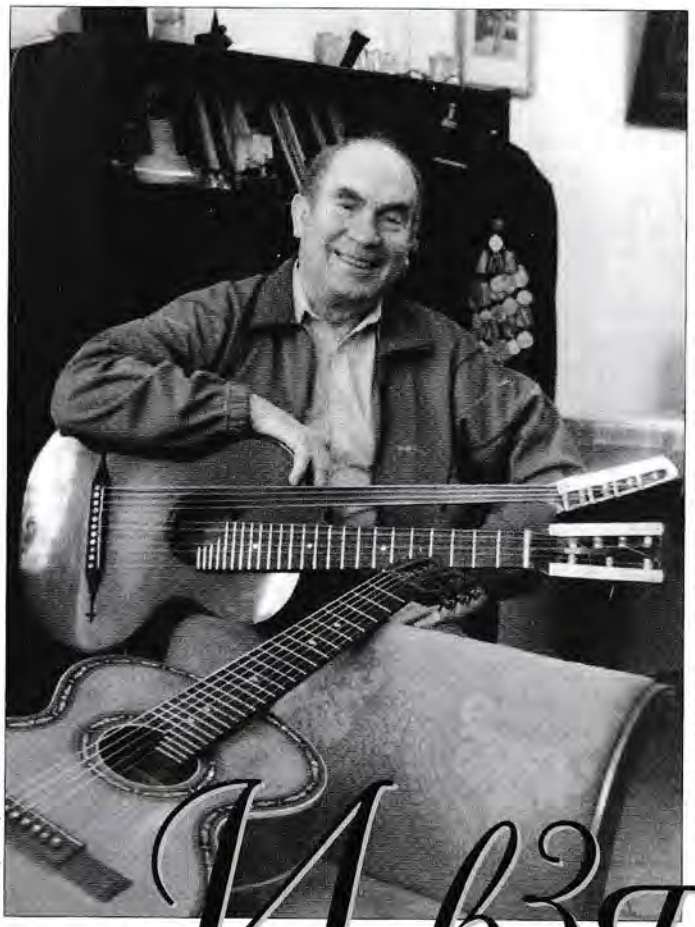


Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

И взял гитару

Мы встретились в канун 53-й годовщины Великой Победы. Раиса Соломоновна, жена Израиля Ефимовича Этермана, принесла по моей просьбе парадный пиджак, который адвокат надевает три раза в году – в День Победы, День защитника Отечества и 18 января.

– 18 января 1943 года мы праздновали свою первую победу – в тот день была прорвана блокада Ленинграда,– пояснил ветеран.

Левый берег Невы – высокий, скалистый. Немцы превратили его, как они думали, в неприступный рубеж. Морозным утром 12 января 1943 года в 9 часов 30 минут началась артподготовка. По позициям врага били 1873 орудия и миномета калибром 76 мм и крупнее. Два с половиной часа работало и 76-миллиметровое орудие, которым командовал сержант Этерман.

Вдоль южного берега Ладожского озера освободили от гитлеровцев коридор шириной 8–11 километров. В три дня здесь проложили железную дорогу. Теперь ночами по ней шли составы в Ленинград с долгожданным продовольствием, топливом, сырьем, медикаментами, оборудованием. Город вздохнул с облегчением.

...На парадном пиджаке поблескивали фронтовые награды – орден Отечественной войны, 15 медалей. Свои награды Этерман назвал «солдатскими». Все ему дороги и близки.

Тут же знак участника боев на Невской Дубровке. Кто не слыхал, не знает этого «пятачка смерти» на левом берегу реки? Дважды батарею, в составе которой воевал Израиль Ефимович, перебрасывали на этот «пятачок». Трагическим и тяжелым было первое знакомство. Прибыли на место вечером. Стали окапываться – скальный грунт никак не поддавался. Отсыпали брустверы. Команда поступила: нарубить болотной лозы и замаскировать позицию.

А когда рассвело, немцы, находившиеся в километре от нас, увидели прибывшие на «пятачок» батареи. Наши позиции были прекрасно обозначены – злополучной лозой. С шести утра заработали пикирующие бомбардировщики – «юнкерсы». Они накатывались волна за волной. К концу дня наступило затишье.

– Я огляделся,– вспоминал ветеран.– Не мог понять: обстрел завершился – а бойцы лежат. По-моему, я даже крикнул: «Поднимайтесь!» А в ответ только стоны.

Месяц артиллеристы держали здесь оборону. А что оставалось делать? За спиной – израненный, но непокоренный Ленинград. Отступать было некуда. 3-й дивизион, в который входила батарея Этермана, 189-го зенитно-артиллерийского полка первым из артиллерийских подразделений Ленинградского фронта был награжден орденом Красного Знамени – за участие в боях на Невской Дубровке.

Так сложилась солдатская судьба Этермана: всю войну от первого до последнего дня он защищал Ленинград. Выстоял город на Неве. И этот подвиг ленинградцев, подвиг нашей армии, народа и страны, не дрогнувших перед жестоким и сильным врагом, не будет забыт...

Этермана демобилизовали в мае 1946 года. «Домой, до-мой»,– стучали на стыках рельсов вагонные колеса. Под этот стук хорошо думается. А думы разные – в Москве его ждут постаревшая мама, сестра. Надо зарабатывать на хлеб – а профессии нет. Нужно учиться – а все школьные знания забыты-перезабыты. Радость победы и тревога за будущее – так и соседствуют, и живут они рядышком в душе и сердце.

Вернулся Этерман с фронта не просто повзрослевшим на несколько лет. Военное лихолетье, служба в армии выработали у него характер твердый, решительный. Его упорство, работоспособность вызывали уважение. В 29 лет он закончил Московский государственный юридический институт и сразу же начал работать адвокатом в Московской областной коллегии.

Много воды утекло за минувшие десятилетия. Сегодня Этерман – один из самых известных и уважаемых адвокатов в Москве. За плечами немало сложных дел.

В одном процессе Этерман защищал парня, находившегося в исправительно-трудовой колонии и обвинявшегося в убийстве поселенца. Шесть раз он выезжал в Коми и все-таки доказал: подсудимый не виновен. В последний раз вернулся в Москву вместе с юношей, оправданным судом.

Не всем приходились по душе его принципиальность, твердость при защите прав и законных интересов граждан. Были попытки «приручить» его и даже проучить. Несколько раз, в том числе прямо в здании суда, на него совершали покушение...

Как бы ни шли дела, какое бы ни было настроение и самочувствие, Израиль Ефимович не расставался с гитарой.

в руки адвокат...

Подружился он с ней еще подростком. Первую гитару ему подарили родители. Играть на ней учился сам. И вскоре стал признанным музыкальным авторитетом во дворе и ближайшей округе.

Гитара скрашивала ему тяжелые армейские будни. В минуты затишья между боями брал ее в руки и чуть охрипшим, огрубевшим голосом исполнял свои любимые песни, романсы. Вокруг собирались измученные боями однополчане...

И сегодня в доме Этерманов без гитары не обходятся ни тихая дружеская встреча, ни шумное праздничное застолье. Об адвокате, который обладает абсолютным музыкальным слухом, знает и исполняет множество песен и романсов, являясь автором музыки некоторых из них, о собирателе тюремного криминального фольклора заговорили в кругах московской интеллигенции.

Однажды Этермана пригласили на Радио России. К Эдуарду Успенскому, ведущему популярной передачи «В эту гавань заходили корабли». Инициативу проявил человек известный, большой друг адвоката, поэт Константин Ваншенкин.

Так в студии появился собиратель криминального, лагерного фольклора. Естественно, зашел разговор, нужны ли нам такие песни, не представляют ли они воровской образ жизни в некоем романтическом свете.

– Я смотрю на это так,– ответил Израиль Ефимович,– везде жизнь, везде люди со своими переживаниями, радостями и горестями. И в лагерях, в не столь уж далекие времена, находилось множество достойных, великолепных людей, впоследствии реабилитированных. Да и сейчас немало таких, кто по роковой случайности оступился. Я люблю эти песни. Они часто сентиментальны, бесхитростны по содержанию и мелодии. Но они отражают целый пласт людского горя и беды, потому и поют их, потому и трогают они до слез.

Этерман участвовал в трех радиопередачах. Аккомпанируя себе на гитаре, пел. Из криминального фольклора. Старинные романсы. Баллады на стихи поэтов – наших современников (музыка – собственного сочинения)...

При встрече я не мог не спросить адвоката, как ему удалось собрать сотни песен воровского, криминального фольклора. Израиль Ефимович подошел к старинному книжному шкафу в стиле ампир, достал три толстых тетради, каждая страничка которых была заполнена строчками стихов-песен, вензелями, афоризмами «составителя» рукописных сборников. А этим составителем был подзащитный Этермана – Витек Щукин. Когда окончился его первый срок, он решил вот таким образом выразить свое уважительное отношение к адвокату.

Так что, из первых рук, без обработки и причесывания получал Израиль Ефимович песни с «той стороны».

Тюремно-воровской, лагерный фольклор далеко не единственная область, где наш адвокат выступает как талантливый исполнитель, собиратель. В его репертуаре – русские романсы, цыганские песни. Есть среди них такие, которые, наверное, только он знает и исполняет: цыганскую колыбельную, старинный гусарский романс и другие.

Дома, в его кабинете, на стенах висят портреты любимых поэтов. Борис Пастернак, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Иосиф Бродский, Константин Ваншенкин... Любимые стихи он перекладывает на музыку, дает им песенную жизнь. И теперь их поют под отблеск туристских костров, в дружеских компаниях. Как часто бывает в таких случаях, ни исполнители, ни слушатели авторов не знают, считая песни и романсы «народными». Возможно, это и есть, в конечном счете, подлинное признание таланта?

Этерман, как магнит, притягивает к себе людей незаурядных. Вокруг него всегда те, для кого игра на гитаре, «сочинительство» песен были не просто хобби, а вторым «Я». Среди них особо надо выделить рано ушедшего из жизни Анатолия Аграновского, блестящего публициста-«известинца».

«Известия» знали двух Аграновских: отца, Абрама, одного из ведущих сотрудников газеты в 20-е–30-е годы, и сына, Анатолия, ярко светившегося на журналистском небосклоне в 60-е–80-е годы. Отец и мать в 37-м попали под жернова сталинских репрессий. Анатолий и его младший брат Валерий оказались в Донском монастыре – в детском приемнике.

И вот тогда родная сестра Абрама Аграновского, она же мать нашего Этермана, Гися Давидовна сумела вызволить их оттуда, добилась опекунства. Так что Анатолий и Изя воспитывались в одной семье, как братья.

– Анатолий замечательно играл на гитаре, сочинил десятки песен,– вспоминает Израиль Ефимович.

...Однажды Этерман в кругу друзей, положив руку на томик стихов, воскликнул: «Что может быть лучше книг!» Его супруга Раиса Соломоновна пошутила: «Только гитары». Друзья засмеялись. Они знали, какое место занимают гитары в жизни адвоката. У него их несколько, и каждая со своей славной и долгой историей.

Однажды возле Курского вокзала Израиль Ефимович увидел пожилого мужчину. Тот нес в футляре гитару. Познакомились. Оказалось, у старика дома есть гитара, которой лет 170–180. Сговорились, сторговались. Она стала верной спутницей Израиля Ефимовича.

Одну гитару, редкостную по красоте, отделанную инкрустацией, подарил Этерману Николай Маштаков, личность любопытная. В 20-е годы держал тот самый «хор у Яра» – сто человек.

– Мы познакомились, когда уже был театр «Ромэн»,– вспоминал адвокат.– Гитару он мне подарил.

Потом в доме появилась гитара, сработанная Архузеном Робертом Ивановичем. Жил в XIX веке в Москве такой мастер. Гитара сложная. Два грифа. Одиннадцать струн. А какой звук!

Показал мне Этерман еще один инструмент. Гитаре примерно 200 лет. Требует реставрации и ремонта. Внутри наклейка. На ней гусиным пером по-французски написано: «Музыкальные инструменты Якобсона в Санкт-Петербурге».

...Наши встречи и беседы прошли, можно сказать, под аккомпанемент гитар. Израиль Ефимович много пел. Слушателем был я один. Ни пластинки, ни аудиокассеты, ни компакт-диска с его записями не существует. Не правда ли, жаль?

Валентин ДОЛМАТОВ,
спец. корр. «Российского адвоката»

И РАБОТАЕМ,

Это становится уже доброй традицией – ежегодно в мае адвокаты России собираются в Сочи, чтобы в неформальной обстановке обсудить свои насущные профессиональные проблемы. Как и в прошлом году, инициаторами «встречи без галстуков» явились Гильдия российских адвокатов и недавно созданная Российская академия адвокатуры. В семинаре-совещании приняли участие представители тридцати пяти регионов Российской Федерации. Проблема, вокруг которой шли обсуждения, звучала так: «Организационно-правовые формы деятельности адвокатуры в новых экономических условиях». С докладами выступили президент Гильдии российских адвокатов Гасан Мирзоев, председатель президиума Московской городской коллегии адвокатов Генри Резник, председатель президиума Межтерриторальной коллегии адвокатов Валерий Залманов. В дискуссиях не было равнодушных, ибо проблемы, рожденные реалиями времени, волнуют все адвокатское сообщество.

По завершении семинара-совещания его участники приняли обращение ко всем адвокатам России.

В нем акцентируется внимание на том, что адвокатское сообщество сегодня остро нуждается в новом Законе об адвокатуре, где четко должен быть прописан статус адвоката, его права и обязанности. По-прежнему актуальным остается вопрос о сохранении льготного налогообложения коллегий адвокатов ввиду оказания ими бесплатной юридической помощи, а также вопрос, связанный с тарифами страховых взносов во внебюджетные фонды, в частности в Пенсионный фонд.

Многие участники отмечали, что за последнее время участились «наезды» на адвокатов и, что удивительно, зачастую – по заданию следствия. Тревожные сигналы звучали по поводу того, что сотрудники РУОП вторгаются в юридические консультации, президиумы и силовыми методами добиваются выдачи сугубо конфиденциальных документов, содержащих профессиональную тайну. Адвокатов задерживают, арестовывают, к ним применяют меры физического воздействия. Все это вынуждает адвокатуру выработать единую тактику и стратегию выживания в современных условиях.

Красной нитью практически во всех выступлениях проходила мысль о корпоративном объединении адвокатов на общественно-профессиональной основе. Обсуждалось взаимоотношение адвокатуры и государства. Все сошлись на том, что адвокат не должен получать за свой труд меньше других участников судопроизводства.

Что почерпнули для себя за эти несколько дней наши коллеги?

Марина Симонова, председатель президиума Мурманской областной коллегии адвокатов: «Мы все работаем в самоуправляемых организациях, и каждый для себя определяет какой-то ориентир на будущее. Этот ориентир можно найти только на подобных встречах, общаясь с коллегами из разных регионов. Для меня они чрезвычайно важны».

Надежда Кудашева, первый заместитель председателя президиума Межрегиональной коллегии адвокатов: «Считаю, что такие семинары очень нужны, ибо живой обмен опытом позволяет вырабатывать единый путь. Из уст многих участников прозвучали факты беспредела некоторых правоохранительных органов против адвокатов. Для правового государства – это нонсенс. Здесь мы попытались выработать позицию нашего поведения и защиты».

Эдуард Мартиросян, председатель президиума Орловской областной коллегии адвокатов №2: «Подобные встречи не только полезны, но и необходимы. Пока не принят Закон об адвокатуре, именно в наших дискуссиях вырабатываются некие взгляды на проблему, которые могут войти в новый законопроект».

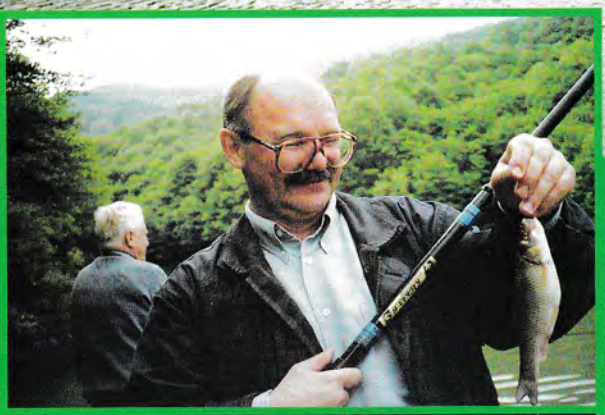
Марина Гальченко, Иркутская юридическая консультация «Савинок и партнеры» Гильдии российских адвокатов: «Совещание нужное, важное, и проблемы, которые на нем обсуждаются, актуальны для всех адвокатов России».

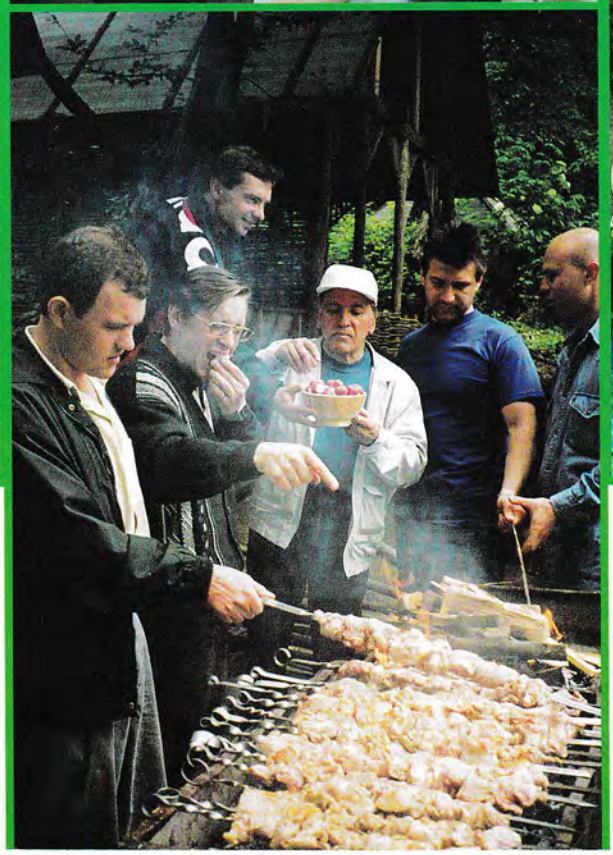
...Последний день пребывания в Сочи надолго останется в памяти. Великолепная природа, рыбалка, катание на водных велосипедах, традиционная кавказская кухня. Адвокаты хорошо поработали и хорошо отдохнули. До свидания, Сочи! До будущей встречи!

Захар РОМАНОВ,
спец. корр. «Российского адвоката»
Фото автора

Главный художник Вячеслав Мельников, корректор Наталья Лобунцова
Компьютерная верстка, допечатная подготовка и печать АО "Московские учебники и Картолитография". 125252, Москва, ул.Зорге,15. Тел.(095) 943-2395
При перепечатке ссылка на журнал "Российский адвокат" обязательна. Тираж 30 000

И ОТДЫХАЕМ





На озере Серебряном

●

Жаркие баталии

●

Владимир Медников – «гроза» местных водоемов

Супруги Белопольские – 45 лет вместе

●

Шашлык – это таинство

ISSN 1025-7225 Rossijskij advokat

СИСТЕМЫ КОНДИЦИОНИРОВАНИЯ, ОБОГРЕВА И ВЕНТИЛЯЦИИ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ ФИРМ

113054, г. Москва,
ул. Щипок, д. 22
Тел./факс:
230-6580, 956-7007

ГРУППА
НИМАЛ